

Юрий Окунев

Трудовые
Будни
Великого
Героя

Некоторые мечты кусаются
и изрыгают пламя

Юрий Окунев
**Трудовые Будни
Великого Героя**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24309750
ISBN 9785448521751*

Аннотация

Он почти достал его... своего первого дракона! Но зверь отправил Брия – самого Брия фон Прейса, мастера-бестиария, – в нокаут! Теперь герой вместо охоты на дракона вынужден разбираться с клубком подозрительных происшествий: отец нарушил старую клятву, кровожадные питомцы в семейном пруду устроили смертельный дебош, а странная Тень спёрла дневники Великого Героя! Что вообще происходит и куда приведёт дорога охотника на чудовищ?

Содержание

Последний лист старой истории	7
Под родным потолком	11
Что произошло?	13
Родные стены	15
Прогулка	19
Заметки о болотном драконе	23
Продолжаем болеть	25
Трещины на прошлом	27
День зимнего солнцестояния	37
Крокодил на обед	59
С новым годом	65
В поисках ответов	82
Работа по дому и расплата	106
Пляска огня и металла	118
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Трудовые Будни Великого Героя

Юрий Окунев

Корректор Ана Стриана

Дизайнер обложки Юрий Окунев

Иллюстратор Анджей Микульский

© Юрий Окунев, 2020

© Юрий Окунев, дизайн обложки, 2020

© Анджей Микульский, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4485-2175-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Особая благодарность Виталию:

*Ты, как обычно, имел в виду одно,
а получилось совершенно другое.*

*Посвящается моим предкам
Какую бы фамилию они не носили*

Последний лист старой истории

Голова раскалывается, и куски на месте не удержать... Чёртова лихорадка, чтоб её дракону в дышло! Это, конечно, не самое худшее, но как же замучила болезнь! Третий день вставать с тяжелой головой, чувствовать полный упадок сил. И как назло – куча приглашений на турниры, охоту и один обнаглевший дракон. А у «великого героя» нет сил даже на то, чтобы поднять чайную ложку с микстурой, а не то что – свой меч.

Я выглянул в окно. Погода соответствовала моему настроению – мерзко, противно. Ни перспективы, ни настроения. Какие турниры в такой туман: там не то что зрители не увидят схватки – сами рыцари не разглядят кончик своего копья. Даже такого короткого, как у сэра Дрома.

Я хихикнул, представив толстенького, простите, округлого сэра Дрома верхом на его пегой лошадке, заблудившегося в тумане. Представил, как библиотекарь, который мечтает на старости лет добыть кубок турнира, забавно вертится кругом, в попытке разглядеть врага сквозь мокрое забрало, машет копьём, чтобы разогнать туман.

Смех перерос в кашель. Лихорадка, чтоб её. Отлип от окна. Подошел, а точнее дополз, еле переставляя конечности, к тумбочке у окна, за которым виденлся мой город.

Перевал, хоть и не был столицей, но предлагал мне го-

раздо больше, нежели дворцовые интриги: охотничьи уголья в виде гор, болот и равнин, на которых кого только не удавалось найти. Настоящее раздолье для мастера-бестиария с тягой к приключениям.

Только вот драконы захаживали редко.

Противная микстура полилась в горло. Сразу запершило, но я сдержал порыв выплюнуть всё наружу. Не быстро, но всё-таки мне становилось лучше. И я готов был вытерпеть худшие дни болезни и пить чёртову микстуру, от которой хотелось повеситься. У меня была цель.

Бронзовый болотный дракон. Самая большая ящерица из виденных мною и первый истинный дракон, который оказался на расстоянии моего меча. Метров тридцати в длину, около восьми в высоту. Это один из тех немногочисленных видов, у которого нет крыльев. Но это не помешало ему отправить меня в нокаут, да ещё и лихорадкой заразить.

Я был без коня, в топи мы бы не прошли. Пеший, с двухручным мечом. Какого лешего я взял именно эту оглоблю? Фантик сказал? Да этому Фантику надо рога пообломать, а то завёл в трясины, чёрт поганый. Вот только поправлюсь и пойду ломать.

Я без сил сел на кровать. В глазах пылало зелёное пламя дракона.

Защита спасла от первого залпа, второй может сдержать и обычная сталь. Главное – не давать регенерировать пламя дольше трёх минут. Взмах рукой, на миг оторвавшей-

ся от меча, и магическая пыль, вызывающая чихание у дракона, отправляется в полёт.

С пламенем разобралась. Теперь подошли поближе.

Перед глазами выстраивалась сцена на болоте: положение дракона и его движения память воспроизводила с высокой точностью.

Дракон пытается сдержать чихание и трясёт головой. Взмах меча, клинок проходит недалеко от шеи болотного монстра. Тот дёргается, уклоняется и сосредотачивается на мне. Чихает. Пламя опалает, но не сильно. Броня от лучшего мастера города, плюс некоторая магия алхимиков делают своё дело. Шаг вперёд, дракон отступает, наносит удар лапой. Уклонился, уронив меч на плечо. Вот тут шанс – быстро подняться, меч взлетает с плеча, удар вслед проскочившей лапе.

Попал. Бронзовая шкура в районе подмышки окрасилась красным. Не смертельно, но приятного мало.

Но тут что-то пошло не так – в глазах появилась дымка. Руки на мече ослабли. И удар лапой на противоходе. Полёт. Крик. Формула. Темнота.

Сейчас я, наконец, понял свою ошибку – я дышал. Пламя хоть и не обжигало, но отравляло. Я так спешил срубить голову дракону, что забыл о базовых различиях между видами. Это крылатые шпарят огнём покруче лесного пожара и не заботятся о таких мелочах. Наземным же приходится дополнять свой арсенал иными средствами.

Согласно мифам, зелёные драконы вообще пламя не выпускали, а сразу отравляли.

Непонятно, какого лешего дракон оказался так близко к городу, но главное, что его никто не заметил, кроме Фантика. А он не сдаст.

Ай, что теперь думать, лечиться надо. От кашля чесались не только лёгкие, но и кожа вокруг старых шрамов, которых я даже касаться не хотел. Хорошо, что я был один – никто не знает, где этот дракон сидит, а то уже бы отправились толпой. Но он – мой.

...Вдруг закружилась голова. Дурнота массивной пятой наступила на грудь. Воздух перестал входить в занывшие от боли лёгкие. Нет!

ДА.

Я лежал, распластавшись на полу. Из ушей текла кровь. И темный силуэт над телом шептал слова на непонятном языке.

Под родным потолком

Наконец-то я смог открыть глаза. Хм, знакомый потолок. Резной, родной. Только давно я его не видел. Голова была пуста, но какое-то подозрение упрямо зрело в этой пустоте. Этот потолок я не видел очень давно. Да, этот потолок мне близок и я рад видеть именно его, но...

Мысль начала становиться чётче – это моя комната. Но не та, в которой я жил последние годы. А та, в которой...

– Он очнулся!

Вопль радости разорвал тишину, прорезав нехилую брешь в моих расшатанных нервах, и заставил поморщиться. Вслед за криком послышался топот нескольких пар ног – две пары были мужские, одна пара – детские. И одна пара – ой, ёй....

Мама.

– Пустите меня к сыночку!

Я устало закатил глаза. Сколько лет я не слышал этот голос и сколько лет я бы его ещё не слышал, если бы не...

– А ну пустите, а то все останутся без обеда! – мама перешла на серьёзные угрозы.

Присутствующие быстро расступились.

– Сынок, ты как? Где болит? Что мне сделать, чтобы стало лучше?

Я прищурил один глаз, скосил второй на маму, оценивая

серьёзность положения. Мама не изменилась. Это хорошо. А вот я – немного не в форме. Это плохо.

Значит...

– Мне бы стакан воды и надувного дракончика в комнату.

Мама на секунду зависла, домочадцы прыснули, а мой верный Роше спокойно сказал:

– Теперь точно выживет.

Что произошло?

Дракончика мне не принесли. Жаль, ведь в детстве я всегда мечтал о большом надувном драконе из лавки алхимиков и точно знал, что родители могут себе это позволить. Но мама не поощряла мои интересы, направленные в сторону мирового бестиария, поэтому я остался без дракона. По крайней мере, надувного. И даже сейчас, когда я занимаюсь этим бестиарием вплотную, не пожелала отступить от своих принципов.

Ну что ж, хоть воды принесли, а то жажда обуяла невероятная.

– Это из-за лекарств, – прокомментировал мои булькающие звуки Роше. – Местный коновал, – я поперхнулся, – по-другому я назвать его не могу, вливал в тебя свою гадость литрами. Как ни странно, ему не удалось отправить тебя к предкам.

– Ты доктора Омниса назвал коновалом? – голос слегка сипел. Это от стресса или от жажды? – Он лечил меня с самого детства.

Во мне разыграла обида. Конечно, в последние годы меня лечили лучшие костоправы и медикусы Перевала, но так пренебрежительно отзываться о семейном враче...

– Ну, если бы не я, он бы утопил своего пациента в касторке и ещё какой-то ерунде. Мне удалось добыть нормальные

лекарства, и ты быстро пошел на поправку.

Дохлабав кувшин с водой, я устало откинулся на подушки.

– Сколько я потерял дней?

– Десять.

– Хм, быстро время летит. Значит, надо выбираться отсюда, – и попробовал встать.

Опущенные на пол ноги приобрели консистенцию ваты, и только близость кровати спасла меня от позорного падения на пол. Хорошо что видел это только Роше.

– Да, уважаемый, – Роше был саркастичен, как всегда. – Какое-то время Вы будете не форме. Полагаю, что свежий воздух, отсутствие опасностей и уход Вам будут полезны.

Я тяжело вздохнул. Моё случайное пребывание в родительском доме затягивалось.

Что же всё-таки случилось?

Родные стены

Сегодня я смог встать. Ноги ещё плохо слушались, но, по крайней мере, я сохранял вертикальное положение. Доктор Омнис просил не спешить с подъёмом, опасаясь кризиса. Мне же казалось, что если я не начну двигаться, то кризис наступит гораздо раньше. Причём локальный, в масштабах одного поместья.

Закутавшись в просторный халат, поддерживаемый Роше за локоть и самолюбие, я отправился на прогулку по семейному гнезду.

Моя комната находилась на втором этаже, на южной стороне. Дом в форме прямоугольника состоял всего из двух этажей. На первом находились кухня, комнаты служащих, большая гостевая, фехтовальный зал. На втором – жилые комнаты, библиотека и арсенал. Арсенал, конечно, громкое название. Тем более на втором этаже делать такие помещения не принято, но у нас арсенал необычный. Кстати, надо заглянуть туда, проверить, что изменилось.

Но самое интересное и необычное в нашем доме то, что у нас была башня. Нет, Башня. Не знаю, кому из предков пришло в голову строить дом в форме кирпича, а потом лепить к нему Башню, но все последующие поколения, включая моё, не собирались ничего менять. Башня высокая, по крайней мере, этажей пять; круглая, с винтовой лест-

ницей и комнатами между этажами. Отец использовал её для своих наблюдений, а также учил меня ориентироваться на местности, оценивать и использовать ландшафт для разнообразных целей. Хорошее было время...

К тому же, в Башне хранились некоторые семейные реликвии, а попасть на лестницу внутри могли только те, кто точно знал, как. Там такая система активации, что мама не горюй.

Чёрта помянешь, он и откликнется – эхом на мысль раздался голос мамы, поучающий прислугу, как правильно делать дела. Хорошо хоть не в коридоре. Переглянувшись с Роше, мы тихо проскользнули мимо комнаты с вазами и двинулись в сторону арсенала.

Открыв дверь, я убедился, что основная коллекция на месте. Пара объектов была накрыта покрывалами. Я решил помучить себя и отправился дальше.

Дом жил своей мирной жизнью, делясь теплом. А мне хотелось за стены, за ворота – в тот, опасный мир. Но тело ещё было не готово.

В ходе небольшой прогулки по дому я воспользовался занятостью мамы и посетил кухню, где меня накормили нелегальными пирожками. После, на правах великого, но больного героя, отправился к себе в комнату отдыхать. Пока меня не было, её успели убрать и проветрить. Воздух в комнате пах зимой, хотя на улице стояла поздняя осень. В этом году было тепло, не то что в предыдущие, когда снегом завалива-

ло уже к середине осени, а оттаивало лишь к маю. Хорошо, что астрономы постарались, заранее предсказали жуткие зимы, и народ запасся провизией. Мне же удалось спокойно поохотиться на редких в наших краях бестий. После кратких воспоминаний настроение резко улучшилось.

Роше прошелся по комнате, я проводил его взглядом. Примечательная внешность моего товарища уже много лет не напрягала. Высокий рост, подпирающий потолки в большинстве таверн; чёрные волосы до плеч, обычно собранные в хвост, а сегодня распущенные; пара клыков, явственно торчащих из-под верхней губы; цвет кожи, который в разные моменты приобретал оттенки капустной зелени или наливался нотками мирта. Под этой кожей бушевала яростная сущность одного из древнейших прямоходящих – сущность орка.

Орка-интеллигента, между прочим.

Вот именно из-за этого умника и началось то, что Вы, уважаемый читатель, сейчас видите перед своими глазами. Мой дневник, моя жизнь. А этот зелёный гад смотрит да усмехается.

– Чего ржёшь? – «вежливо» поинтересовался я.

– Да так, смотрю на одного героя, который пытается вспомнить, как правильно пользоваться пером. При этом всё норовит перехватить его как меч.

– Не преувеличивай! Мне, конечно, меч по душе больше, но надо же себя чем-то занять. Да и пишу я не так редко, как

некоторые тут заявляют.

– Пиши, пиши. Я чувствую, что эти строки тебе скоро пригодятся...

И в глазах Роше мелькнула тень. Неприятное зрелище, эти всплески магии – ощущение, что на тебя смотрит бездна. А то и хуже. Какой-нибудь нетрезвый болотный дракон...

– Не нравится мне это, – пробормотал орк. – То годами тишина, то за месяц три приступа. Чуют моё сердце...

– ... и твоя задница, – продолжил за него я.

– Именно так. Чуют моё сердце и моя задница, что это связано с тобой. Но с тобой сейчас столько всего связано!

– Да уж. Но сейчас самая главная связка – моё тело с этим домом.

Роше, не скрываясь, ухмыльнулся:

– Да уж, госпожа фон Прейс абсолютно не изменилась. И это меня радует – должно же быть в мире что-то постоянное.

Прогулка

С сегодняшнего дня я начал гулять вокруг дома. Утро выдалось солнечным, поэтому, закутавшись в одежду, у которой вес сопоставим с полным конным доспехом, я отправился на прогулку. Ветра не было, пахло свежестью. Лицо Роше терялось на фоне маминых рододендронов.

– Ты всё-таки уверен, что видел тень? – в который раз спросил орк. – Когда я пришел, кроме тебя да разбитого пузырька с лекарством, никого не было. Причём, дверь была заперта на твой засов, а как его открыть – знаем только мы с тобой. Окно высоко, четвёртый этаж всё-таки.

Мой зеленокожий друг опять пытался понять, что же я видел в тот промежуток времени между бредом болезни и беспомощностью отравления. А я опять ничего не мог сказать – Тень, какие слова-звуки. Ничего конкретного. Это раздражало, но я не мог вспомнить ничего более ясного, чем размытый силуэт. Особенно обидно было из-за того, что сцену драки с болотным драконом я помнил так же чётко, как в момент её восстановления в памяти.

– Не кривись так. На тебя посмотришь – такое ощущение, что ты нюхаешь того дракона, что тебя завалил. Да и вообще, зачем ты пошел на него один? Не мог подождать два дня,

пока я вернусь из Горы¹?

– Хватит меня донимать. Не мог. Ты же знаешь, этот вид и так не часто заползает в наши края, а уж настолько близко от городов они не бывают вообще! И это же ДРАКОН!

– Кому алкоголь, кому женщины, а этому – драконы, – произнёс Роше. – Знаю, именно поэтому и согласился не предавать огласке факт твоей болезни.

Да уж, за это стоило бы сказать спасибо. А то набежало бы охотников с сетями, штук так сто-пятьсот и завалили бы МОЕГО дракона. Гады...

– Но всё-таки я не пойму, а твои дневники ему зачем понадобились?

– Увлекательного чтения захотелось, – глухо ответил я.

Никогда не думал, что так буду переживать из-за этих клочков бумаги. А много лет назад я брыкался всеми ногами и руками. Роше настаивал, мы громко ссорились. Я не мог понять, зачем мне, воину, надо заниматься подобной ерундой. А орк вещал о видении, о важности возложенной на меня миссии. В ответ я кричал, что пора завязывать с мухоморами и видениями, а следом получал по морде.

В итоге в спор ввязался отец и выдвинул ультиматум – либо я послушаюсь своего товарища («лесной хвощ ему товарищ», – слышался ворчащий комментарий), либо он перестаёт платить за учёбу, и мне придётся вернуться домой.

¹ Гора (Гóра) – город орков, один из крупнейших на континенте. Считается горной столицей.

После этой угрозы я немного поутих – только сбежал от маминой заботы и приблизился к обладанию воинского звания, а тут – обратно. Проглотив злость, сжав зубы и ядовито комментируя каждую запись, я начал свой дневник.

Первый месяц был тяжелым, но как говорят в Горе, привычка вырабатывается, если продержишься двадцать один день. И я начал писать. С тех пор прошло много времени, я пристрастился к этому занятию. И теперь меня лишили моего труда! Остался только последний день, последняя страница, на которой чётким, сильным почерком дописано: «ДА». Воспоминания быстро наполнили лист вокруг этого слова.

Но зачем Тени понадобился мой дневник?

Я запустил пальцы в короткие светлые волосы и почесал неровную кожу на голове. Из-за ожогов на ней волосы больше не отрастали так, как раньше. Приходилось стричься коротко. Это служило мне напоминанием. И портило настроение.

Мы с Роше молчаливо шли вокруг дома, погруженные каждый в свои мысли. Погода тем временем продолжала радовать: ветер ушел гулять в другие края, температура зависла на допускающей жизнь отметке; солнечный свет рассеянно освещал все поверхности мира; искрилась поверхность пруда, в котором, словно старые баржи, плавали крокодилы Лугата.

Жуткая выдумка природы – зубастая тварь, теплокровная рептилия, которая спокойно переживает лютые холода. Но,

после одомашнивания пастырем Лугатом триста лет назад – любимое украшение прудов в богатых домах. Нашим крокодильчикам уже лет по двадцать пять, а они всё тешат свои адские сердца кровью мелкой рыбёшки да кусками свежего мяса, которое каждую неделю им кидают служащие.

Брызги света опоясывали их тёмные спины, создавая ощущение магического сияния. Изредка некоторые из них подплывали к берегу, пугая своим видом уток. Те с воплями и криканьем улетали, а крокодилы с довольной мордой уплывали на следующий круг.

Мы с Роше остановились на берегу чуть поодаль, чтобы понаблюдать за зверьём, за которым уже не охотились. Нас привлекала добыча крупнее и опаснее. Но когда-то из-за таких тварей началась история охотника и мастера-бестиария.

Именно тогда начались трудовые будни обычного охотника за необычными тварями, которого заставили стать Геро-ем.

Брий фон Прейс – Великий Герой.

И я ненавижу это незаслуженное звание.

Заметки о болотном драконе

Как всегда, подборка из книг и моих наблюдений.

Дракон. Бескрылый.

Длина без учёта хвоста – 10—30 метров. Длина хвоста – до половины длины тела.

Вес – порядка 7—10 тонн. Высота в холке – от 4 до 10 метров.

Имеет крупную неширокую голову, длинную «лебединую» шею, массивное тело с четырьмя лапами; задние мощнее, позволяют дракону вставать в полувертикальное положение (*не заметил, чтобы тварь занималась подобными танцами*).

На лапах – длинные пальцы с когтями. Между ними – перепонки, помогающие плавать. При движении как в воде, так и на суше помогает себе хвостом.

Основной ареал обитания: чистые, не торфяные болота (*опасность поджога во время изжоги*). В связи с постоянным загрязнением среды, количество бронзовых болотных драконов убывает. Согласно научным изысканиям Лиги Исследователей, этот встречается только в болотах Центрального материка. (*Мои наблюдения с этим утверждением разошлись*).

Охота не запрещена. (*Хоть что-то радует, а то потратить деньги на снаряжение и транспортировку туши, а по-*

том её лишиться и заплатить штраф – радость маленькая).

Основу рациона составляет... Неизвестно. *Непонятно, каким образом на болоте вырастает такая громадина. Известно, что иногда питается птицами или ловит живущих в болотах существ.* Людей не любит, нападает только, чтобы не посягали на территорию.

Размножение: откладывает яйца. Дракониша может отложить до трёх яиц за раз. Возраст полового созревания – неизвестен. По косвенным признакам можно предположить, что самка способна откладывать яйца не чаще, чем раз в 5—10 лет. Длительность спаривания: неизвестна. *(Ну да, конечно, какой дракон даст ученым стоять со свечкой рядом в такой момент).*

На данный момент Лига исследователей не обладает достаточными знаниями по этому вопросу, поэтому если вы владеете какой-либо информацией – ждём вас в нашей штаб-квартире в Колоне *(всегда радуется эта строчка, тем более что присутствует она в половине их статей).*

Продолжаем болеть

Настроение было паршивым с самого утра. Я совершенно не выспался. Мучили сны, в которых сцены из всплывшего прошлого активно переплетались с болотным драконом и тонули в зелёной дымке. Иногда за драконом ходила Тень, которая ныла и выпрашивала ещё один листочек дневника, а то те кончились на самом интересном моменте.

И это не говоря об очередной атаке слабости, которая накатила похлеще, чем прибой. Прогулки отменились, доктор Омнис возбуждённо щебетал о том, что он предупреждал, но никто его не слушает, а теперь виноватым выдвигают его. Ну да, мама первым делом устроила доктору психологическую осаду с использованием тяжелого вооружения: сомнение в профессионализме, лояльности, причитания скорбящей матери и гневные выкрики, что, мол, при короле такого бы не допустили.

Короче, все развлекались как могли и за мой скромный счёт. А я, сине-зелёная поганка, полулежал в кровати и пытался не слушать все эти препирательства. Как назло, Роше ушёл куда-то, пока я спал, и теперь я молил небо, свой доспех и чуткие органы своего друга, чтобы он вернулся побыстрее. В итоге, в момент, когда я решил встать и совершить грех по отношению к своему мечу (окропить его кровью близких мне существ), Роше влетел в комнату. Его «по-

лёт» закончился у изголовья моей кровати. Орк оценил мой вид, губы изогнулись в усмешке. Затем он приблизил своё лицо к моему. Я затаил дыхание и приготовился слушать.

Но этот гад шумно втянул носом воздух и произнёс:

– Хм, вроде гнилью не воняет. Значит, ещё жив.

Маму после этой выходки чуть не хватил удар, доктор Омнис закудаhtал, что не время шутить. Мне же было всё равно. Орк молча снял со спины походную сумку-мешок, достал оттуда пучок трав и цветов. Среди них я узнал успокоительное, мочегонное, что-то для сердца и для печени. Роше попросил горячей воды для чая, заварил настой. В комнате запахло лугом и аптекой. Приятно.

Доктор убедился, что я больше не пытаюсь вылезти из кровати, распрощался и ушёл. Мама ещё немного постояла, оценила слой пыли на окне (пылинка на квадратный метр) и тоже вышла. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь бульканьем при поглощении чая.

Это был лучший момент за день, но я начал снова засыпать. Пришлось прикрыть глаза. А когда открыл – уже два часа и прошло.

Болезнь – что она делает с человеком.

Трещины на прошлом

Последняя неделя года выдалась холодной. Прогулки пришлось отменить, заменив периодическим проветриванием комнаты. Отсутствие движения меня совсем не радовало, но поделаться я ничего не мог. Единственная радость состояла в том, что врач разрешил мне под его наблюдением наведываться в арсенал. И последние два дня я провел именно там, изучая новые приобретения отца.

Что обычно хранят в арсеналах вменяемые люди? Оружие, доспехи, иногда охотничьи трофеи. Наш арсенал тоже был полон своего рода трофеями, но отнюдь не военными и лишь условно охотничьими. Особенность была в том, что мой отец – редкого вида коллекционер. И он собирает не головы врагов, как я уже упоминал, и отнюдь не вина (хотя в подвале встречались вполне приличные бутылочки).

Его коллекция имела два направления – технические устройств, а также разнообразные редкие и опасные животные. Если технические новинки, артефакты прошлого, изобретения орков и приспособления людей были полностью функциональны, за редким исключением, то вот животные все были либо превращены в чучела, либо мумифицированы. Моя горячо любимая мама очень опасалась, что какая-нибудь из этих тварей выползет наружу и укусит горячо любимого меня. И тогда бы горячо любимому папе не сно-

сить головы, вместе со всеми зверьками и прочими экспонатами.

Естественно, отец не говорил маме, откуда добываются те или иные артефакты и существа. А мне он старался не говорить, как он их добыл. А я, в свою очередь, делал вид, что не догадываюсь ни о том, ни о другом, по крайней мере в присутствии своих родителей. Тем более, что часть экспонатов привез именно я пару лет назад.

Мой любимец с давних пор – скелет старого дракончика, ныне вымершего, согласно официальной хронике, вида «подгорный камнежуй». У него была мощнейшая челюсть, стальные когти и что-то ещё из арсенала для борьбы со скалами. Одним из главных преимуществ для молодого фон Прейса была возможность залезать на дракончика верхом и играть в наездника дракона. Только вот меч не разрешали брать, чтобы в порыве веселья не уничтожить что-нибудь ценное. А вот скелету хоть бы хны. Не зря говорят, что многие молодые горы покоятся на костях драконов. Старые горы они, засранцы этикие, слопали, а после с голодухи и померли.

Сидя в зале, я вспоминал своё детство, весёлые игры. Мне повезло, что у меня уже тогда был свой дракон, в комнате лежал свой меч, а в конюшне стояла деревянная лошадка, сделанная деревенским умельцем Гошем. За ту лошадку ему пожаловали новый инструмент, ценность которого мало кто понимал. Но Гош оценил подарок отца. Теперь его работы покупает не только наша семья, но и несколько окружающих

поместий.

Время прошло, а в крови всё так же не улёгся огонёк и тяга к приключениям. Хорошо, что моя жизнь продолжает радовать этим. Кстати, а если?..

Я тихонько встал. Оглянулся по сторонам: Роше вышел, доктор Омнис дремал в кресле, остальные ушли на кухню ещё пятнадцать минут назад. Я хитро улыбнулся и, ступая как можно тише, прокрался к «Соплежую» – так по-домашнему звали дракончика. Шаги были не очень легки, но всё-таки мне удалось дойти до скелета, который теперь оказался чуть выше, чем по пояс, незамеченным. Оседлать моего верного боевого друга было делом привычки – руки легли на какие-то отростки, спина выпрямилась. В глазах всплыли те картины мира, которые раньше занимали всю игровую действительность. Ну а дальше, Омнису было суждено проснуться под оглушительный рёв воина на драконе:

– Ра-а-аш! – зал наполнился эхом.

Доктор от испуга подпрыгнул с кресла и уронил что-то из своих вещей. С металлическим звоном предмет закатился под деревянную тумбу, на которой стояли банки со змеями.

– Что вы творите, молодой человек – вы же опять режим нарушаете! – спросонья доктор был необычайно ворчлив. – А ну слезайте, вам уже не двенадцать лет! Должны понимать, если не будете вести себя достойно, то ваше здоровье может опять пошатнуться!

Каким образом достойное поведение в понимании докто-

ра связано со здоровьем, я не понял, но решил слезть с дракона. Скелет даже и не заметил, что его наездник потяжелел на десяток другой килограммов, что ему еле удалось разместиться на его спине. Он продолжал стоять как вкопанный, как та самая скала, под которой его тело и было найдено. Я с грустью провёл рукой по его голове – и рука за что-то зацепилась.

Трещина!

Меня накрыла тоска – всё-таки даже скелет горного дракона имеет срок годности. И кажется, что процесс пошёл. Я ещё раз мягко ощупал трещину и отправился в своё кресло, показав жестом, что в кровать не пойду. Обойдутся. Хочу посидеть здесь.

В тишине и легкой настороженности прошли ещё полчаса. Доктор опять начал клевать носом (и кто из нас болеет?), а ко мне, наоборот, пришла сосредоточенность. Мне хотелось действия, активности. И раз физическая составляющая моей жизни сейчас должна быть ограничена, то значит, будем заниматься интеллектуальной.

Я встал с кресла и решительно отправился в сторону новых экспонатов, укрытых покрывалами. Их было три, причём все не из маленьких. Ну что, папа, кого ты притащил на этот раз?

Первым моему взору и солнечному свету предстал стеклянный тубус, внутри которого, как будто пойманная в прыжке, висела алая лягушка. Выступающие надбровные

дуги, как у лягушки-рогача, маленькие шпоры на лапках и ярко алая кожица с чёрными круглыми пятнами. И в чём её опасность? Скорее всего, яд – вон какая окраска бешеная, так и орёт – не ешь меня, подохнешь! Может поранить шпорами, да и сама кожа скорее всего опасна. Что ещё? Судя по лапам, прыгает высоко и далеко. Поймать сложно, но кого только высшие существа не ловят!

Откуда ты, пришелица? В наших краях тебе будет холодно. Значит, южнее, из каких-нибудь лесов и джунглей. Или с болот? Надписей нет?

На тубусе ничего не было видно. Отец либо издевался (что маловероятно, так как он не предполагал, что я появлюсь тут раньше следующего года), либо не успел полностью обработать новый экспонат. Ну и ладно, потом поинтересуемся.

Кстати, а почему она находится в горизонтальном тубусе, а не в обычной банке?

Постучав ногтем по стеклу, я накрыл алую лягушку покрывалом и отправился ко второму стенду. Он был побольше, с какими-то предметами на столешнице. Я дотронулся до покрывала, на секунду задумался, а потом решил ничего не ворошить. И пошёл к третьему стенду.

Стеклянная витрина, видно по форме. У отца это своего рода отстойники для новых экспонатов. В них артефакты могли лежать до тех пор, пока он не разобрался с их классификацией, историей или налогообложением. Ткань скрывала содержимое, но недолго.

Я стащил покрывало с куба и замер с выпученными глазами. Что случилось? С каких пор отец перестал держать данное им слово? Как он смог затащить это сюда?

На витрине лежал меч. На первый взгляд – обычный короткий стальной меч, с широким клинком. Вместо рукояти – только хвостовик. Лезвие немного щербатое. Мало того, что отец притащил оружие в арсенал, так ещё и какое-то хламовое. Зачем?

Отойдя от удивления, я решил, что всё-таки надо осмотреть новый артефакт внимательнее.

Но тут за моей спиной появился Роше.

– Это что такое? – произнёс он шепотом, чтобы не потревожить доктора. – Здесь никогда не было оружия. Что-то изменилось?

– Не знаю, – честно ответил я. – Если и изменилось, то я не в курсе. Только что обнаружил. Надо осмотреть его внимательней – не верю, чтобы фон Прейс так легко мог изменить своему слову.

Насчёт «так легко» я, конечно, лукавил – всё-таки этот «обет» длился уже лет так двадцать. Но тем более удивительным казалось присутствие обычного меча в этой необычной коллекции.

Наши с Роше носы уткнулись в стекло. На первый взгляд – ничего особенного. Немного повреждённый клинок, металл неровный в тех местах, где сняли ржавчину; деревянных накладок на рукояти нет, хвостовик выглядит почти как новый.

Так, первая зацепка – почему на таком старом мече рукоять выглядит намного лучше, чем клинок? Из-за того, что была скрыта деревом, а сейчас его нет? Тогда всё равно должна была быть ржавчина, и её пришлось бы счищать. Или всё потому, что это место почистили специально?

Дальнейший осмотр дал результат – Роше хмыкнул и ткнул пальцем в стекло:

– Там руна под крестовиной. То ли «жизнь», то ли «движение» – пока не пойму.

– Интересно, зачем на мече такая руна? Жизнь – чтобы выжить в бою? Или движение – чтобы не попасть под удар?

– Сложно сказать. Надо понять, что там за руна, но сейчас стекло мешает. Не будем расстраивать благородного фон Прейса и открывать без разрешения этот саркофаг.

– Почему саркофаг?

– Не знаю... Потому что не витрина.

Мы помолчали. Дурацкое это чувство – вроде магия рядом, а толком ей воспользоваться не можешь. Лишь дразнит иногда, намёки даёт, но полноценно себя не проявляет. Я похлопал Роше по плечу:

– Ну хоть руну увидели, теперь можно будет к отцу подойти не с пустыми руками.

Мы постояли у витрины с мечом, после чего пошли ко мне в комнату. Доктор Омнис остался спать в кресле. У меня было свежо после очередного проветривания, на подоконнике осталось несколько капель от растаявших снежинок. Роше

уселся на подоконник, я скинул халат, в котором гулял, и сел на кровать. Я чувствовал усталость, меня это нервировало, но поделаться ничего не мог – нужно было дать телу победить слабость. На тумбочке у кровати лежали исписанные листы моего дневника, чистая бумага, пара перьев и чернильница. Дома я старался не расходовать чернила из своего новейшего приобретения.

Моя «пишущая ручка» позволяла писать без использования перьев птиц и постоянного макания в банку с чернилами. Они заливались прямо внутрь! Это удивительно и очень практично. Правда, требовались специальные чернила – более густые, нежели для перьев. Поэтому дома я и писал по старинке.

Глядя на исписанные листы, я опять вспомнил, что их стало значительно меньше и что последние годы моей жизни, в некотором смысле, сейчас находились в чужих руках.

– Может, оно схватило твои записи просто потому, что больше хватать было нечего? – Роше продолжал гадать.

– Не ты ли сам мне всю жизнь говорил, что в этих записях есть какой-то скрытый смысл? Может, эта Тень прознала об этом и теперь ищет его там?

– Мне тоже приходила в голову эта идея, Брий. Но, понимаешь, о моём предсказании знали мы с тобой да наши отцы. Кто мог прознать о нём? Тем более, я видел только сам факт того, что тебе его нужно писать, вот и всё.

– Угу, а спорил, будто видел падение великой империи...

– Я до сих пор считаю, что правильно делал, когда настаивал. И рад, что твой отец поддержал меня. А что до Тени, то бумага она действительно могла схватить просто так.

– Вообще-то мои лекарства стоили дороже... Хорошо хоть, ручку не утащила.

– Никогда не подумал бы, что тебе понравится эта штука-вина. Мне кажется, она портит твой почерк.

– А мне кажется, ты просто завидуешь из-за того, что решил не покупать себе такую же.

– Зачем она мне? Я же не пишу дневник, как ты.

– Ты вообще не забыл как писать-то?

Орк хмыкнул, взял перо и лист бумаги. И тут же на пустом листе стали появляться буквы. Причём не как линейный текст, а как настоящая картина. Роше рисовал буквами, но я видел, что написанное остаётся связным текстом. Буквы складывались в слова, слова в предложения, а предложения вели рассказ о древнем герое, который искал счастье в далёких горах. Старая орочья легенда, но каков эффект!

– И когда ты успевал тренироваться?

– Времени всегда больше, чем нам кажется. Просто его нужно уметь использовать.

Роше положил исписанный лист на подоконник и уселся рядом. Его лицо было задумчивым и сосредоточенным.

– В словах кроется великая сила, особенно в написанных. Мы всегда забываем про самые очевидные вещи. Но чем привлекли твои записи то существо, кем бы оно не было, я

не понимаю. А вот тому, что твой отец уже подъезжает к дому, – орк повернул голову к окну, а затем вновь посмотрел на меня, – я не удивлён. Мы с тобой классно попали – завтра же день Зимнего солнцестояния!

– Давно я не видел церемонию. Хоть будет повод выбраться из комнаты и немного развеяться.

– Да уж, заодно оценим состояние дел вокруг. Вставай, гулёна, встретим фон Прейса внизу. А то подумает, что сын совсем стыд потерял.

– Язви-язви, поганка зелёная. Дай штаны надеть, и пойдём. Стыд потерял...

Роше со смехом вышел.

День зимнего солнцестояния

Естественно, на улице было холодно. Нос и щёки моментально защипало. Организм тихонько возмущался, потряхивая то ногами, то руками.

Метель успокоилась, повисла тишина. Снег лежал на земле мягкой периной, заглушая шаги лошадей. Продрогшие кони подтащили тёмную карету поближе ко входу в дом и встали.

Распахнулась дверца – отец никогда не заморачивался и предпочитал открывать двери сам – и глава семейства спрыгнул на снег. На ногах потёртые ботфорты, которые мелодично скрипнули, коснувшись снега; на плечи накинут плащ из меха какого-то мохнатого зверя, который раздвигал видимую ширину плеч в полтора раза; зимняя куртка из кожи старого крокодила, конечно же с подкладкой из чего-то более теплого. Весь наряд венчала шляпа с ушками и пером. Фон Прейс-старший любил тепло, но не забывал и о лёгком щегольстве. Несмотря ни на что – ему это шло.

– Давай, лошадей в тепло, – приказал кучеру фон Прейс. – Вещи сгрузите там же. Аккуратней с сундуком – в нём хрупкий подарок для моей жены. И передайте на кухню содержимое того мешка.

Отец подошёл к Роше, который стоял чуть ближе:

– А то содержимое мешка может начать возмущаться

и сбежит раньше обеда, – он подмигнул орку. – Здравствуй, Роше. Рад, что мой сынуля не успел тебя достать.

Орк вежливо улыбнулся, стараясь скрыть смешок.

А далее отец обратился и ко мне:

– Ну, а ты чего? С какого перепугу решил поболеть?

Опять в каком болоте лихорадку коллекционировал?

– И я рад тебя видеть, отец. Госпожа фон Прейс уже заждалась – кухня под её руководством готовится принять взвод пехотинцев. Надеюсь, ты голоден.

Я позволил себе улыбку. Про кухню я не преувеличивал – успел мимо неё пройти, и от увиденного мне захотелось есть.

– Ну, раз твоя мама закатывает такой пир – значит, вся семья снова в сборе! Так что давай быстренько проскочим в дом и побежим в сторону столовой – а то могут притащить в кандалах.

И посмеиваясь, фон Прейс прошептал в дом.

– Мне казалось, что законы логики подразумевают другую последовательность: сначала все дома, а потом обед.

– Ты уже забыл, Роше? У нас вся жизнь строится от обеда.

И в этот раз я рад этому.

Мы с орком последовали за отцом в дом, скинули верхнюю одежду в вестибюле, наведались в ванную, чтобы помыть конечности, и неспешно двинулись в столовую. По дороге нас периодически обгоняли служащие с подносами и тарелками. Запахи дивного обеда наполняли дом. Что-что, а вот с едой мама умела обращаться как никто другой. На на-

ши званные обеды иногда выстраивалась очередь, и всё ради того, чтобы отведать мамины блюда.

Когда-то давно несколько особо наглых баронов пытались отбить мою маму у отца. Я понимал, почему: голубоглазая блондинка с пышными формами и длинными волосами, наследница влиятельного рода и состояния. И это если не вспоминать о мастерстве на кухне. Мало кто знал, на что она способна с ножом в руках.

Но отца не зря называют Гончей. Если во что вцепился, то уже не отпустит. Попытки претендентов были пресечены на корню. За широкой спиной моего отца маме даже не пришлось показывать свой характер. А тому зловредному гаду, что попытался отомстить уже после моего рождения, отец устроил настоящую травлю. Благо, что тот сам обеспечил повод и Король дал волю своей своре.

Внешне я больше похож именно на маму: прямые светлые волосы, бывшие когда-то голубыми глаза, высокий рост. Характером со мной родители поделились оба. А вот страсть к драконам я приобрёл самостоятельно. И до сих пор не могу простить, что не купили у алхимиков того надувного дракончика!

Да, семейка у нас что надо.

Столовая в поместье не очень большая – по крайней мере, по меркам богатого сословия. У некоторых соседей в столовую можно реально посадить гвардейский полк. В нашей же уместилось бы человек тридцать, не больше.

Сейчас нас сидело семеро: семейство фон Прейс – итого трое; орк Роше – один; доктор Омнис с неизменной сумкой – посчитаем тоже за одного; управляющий поместьем мастер Хорст; к тому же оказалось, что вместе с господином фон Прейсом приехал мастер Гош. Он дремал в карете и будить раньше срока его не стали.

Мастер постарел с тех пор, когда я его в последний раз видел. Кожа задубела и сморщилась под влиянием масел и возраста, но глаза продолжали смотреть внимательно и цепко, проникая в суть вещей. Он видел жизнь в предметах, читал их истории и создавал новые. То, что он делал руками, не всем алхимикам было под силу. А он просто работал и рождал что-то необыкновенное. Моя деревянная лошадка до сих пор стоит в одном из хранилищ поместья и с ней ничего не происходит.

Отец поднял бокал и произнёс:
– За семейное воссоединение!

Мы поддержали тост и выпили, кто что: красное сухое, сладкое, морс, воду или виски. А после в дело вступил оркестр из ложек, вилок, ножей, мисок и тарелок.

Маринованные грибочки с луком и маслицем раззадорили аппетит. Им в аккомпанемент выступили мясные рулетики и мраморная буженина с чесноком. В качестве первого в тарелках оказался пряный крем-суп из грибов; небольшая пауза, пока меняли посуду, и пришло первое насыщение. Мама увидела, что мастер Гош откинулся на стуле, и попро-

сила принести её настойку. Рюмочка этого напитка – и гость вновь готов и поглощает деликатесы со стола.

Как раз подали перепёлок, которых в том самом мешке привёз отец. Они быстро превратились в горсти косточек, после чего на столе оказалась оленина, запечённая в каких-то листьях с брусничным соусом. Сколько лет я питаюсь на этой кухне, но маме всё равно удаётся найти рецепты, о которых кроме неё никто не слышал даже в столичной кулинарной библиотеке.

И самое важное: ей всегда удаётся создать из любых ингредиентов кулинарный шедевр.

И я не говорю про выпечку, которую даже привередливый Роше уплетает за обе щёки. Хорошо хоть, моя жизнь связана с движением, иначе прирос бы к стулу и он сломался бы под моим весом.

Разумеется, ужин прошёл в благоговейном молчании. Мама с улыбкой следила за блаженными лицами наевшихся людей. А сама, как обычно, доедала маленькую перепёлочку да с хрустом заедала грибочком.

После ужина началось легкое общение – отец интересовался делами в поместье у управляющего; мама общалась с Гошем и доктором Омнисом. Мы с Роше сидели тихо – общаться о Тени за столом мы не желали, а больше обсуждать особо ничего не хотелось.

Но разговор за столом всё равно вышел в интересное русло. А началось всё с вопроса госпожи фон Прейс:

– Мастер Гош, так что же всё-таки привело вас в наш дом?

– Ваш муж и хозяин этого благословенного дома пригласил меня, – степенно ответил мастер. – Ему понадобились мои навыки и знания для исследования.

– Для какого исследования, отец? – проснулось моё любопытство.

– Ты уже был в арсенале, Брий?

– Конечно, и даже оценил пару новинок.

– Ну вот, для того, чтобы подробней изучить эти новинки, я и пригласил мастера домой.

– Смеею предположить, что исследовать будете не лягушку, – вежливо произнёс Роше.

Провокатор, однако!

– Да, это не лягушка, тут вы совершенно правы, Роше, – голос отца слегка напрягся.

Значит, мама не знает, что в доме появился коллекционный меч. Любопытно.

– Но сегодня артефактами заниматься никто не будет – уже поздно для столь важных и интересных дел. Предлагаю отправиться спать, тем более, как все помнят, завтра важный день. Кстати, мастер Гош поучаствует в церемонии тоже.

– Почту за честь, господин фон Прейс, – старый мастер наклонил голову. – Вы, как всегда, стараетесь сделать больше, чем человек заслужил.

– Я лишь стараюсь поощрить и отблагодарить лучших.

И тут я согласен с отцом.

Обед подошёл к концу, и все стали потихоньку расходиться. Доктор и мастера отправились в выделенные комнаты, отец стоял у окна, обняв маму за талию. Мы с зеленокожим другом вернулись к себе. Моё настроение улучшилось – пошел на пользу обед плюс перспектива посмотреть на работу мастера Гоша.

Я решил прилечь, немного отдохнуть и совершенно не заметил, как уснул.

Мне наконец повезло – мой сон был тих и спокоен. Тени и драконы решили оставить моё сознание в покое, дали насладиться сладким беспмятством простого сна. Поэтому, когда настало утро, и Роше заглянул в комнату, я уже с довольной миной сидел на кровати и дописывал новые строчки своего дневника. На лице появилась улыбка, в душе – азарт. В мою жизнь возвращались интересные события, и это наполняло моё тело новыми силами. И вправду, надоело болеть! Этот дракон слишком надолго вывел меня из строя!

Церемония в честь Дня зимнего солнцестояния начиналась ровно в полдень. В этот день наш мир празднует начало нового года и конец старого. Сплетение отжившего и рождённого. Время перезаключать Договоры и подтверждать свои права. В этот день знать заключает новые и продлевает старые контракты со своими служащими на будущий год. И наш дом не являлся исключением.

Перед помещьем находилась средней величины площадь. Она огорожена с одной стороны стеной дома, с другой – прудом.

дом, с третьей – парком. На ней по традиции ставили помост, шатры, разжигали костры на специальных подставках, дабы не попортить землю. На один день и на одну ночь под стеной нашего дома образовался центр притяжения всей социальной жизни округа. К нам приходили молодые служащие, мастера, семьи нынешних служащих, просто любопытные.

Молодые и не очень люди из ближайших деревень и городов, с образцами своих работ и просто с пустыми руками – все они стремились попасть в наш дом. Несмотря на статус нашей семьи и вечную борьбу между представителями разных сословий, наш дом и наша семья пользовались популярностью у населения. Мы давали именно то, что нужно было простым людям: поддержку самым талантливым, работу самым умелым и наставления с надеждой для тех, кто ещё не готов.

Ещё мой прадед решил, что лояльность слишком переменчивая величина, и добиться её постоянного присутствия сложно. Ни страх, ни деньги не способны удержать людей от недовольства и бунта. Но когда они видят другие варианты, видят возможности кем-то стать – они живут с целью. Их силы сконцентрированы не на работе и ропоте, а на работе и ещё раз работе. Над полем, семьёй, собою. Они знают, что самые лучшие получают высочайшую награду и примеры всегда у них перед глазами. Конечно, люди бывают недовольны, но тут в дело вступает политика.

Когда мы добрались до площадки, она уже была заполне-

на. Толчеи не наблюдалось, но народу, как всегда, хватало. Таверщик из соседнего городка вместе с помощниками разливал горячий глинтвейн по глиняным кружкам, служащие поддерживали огонь в жаровнях и кострах, новоприбывшие готовились к показательным выступлениям. Да, отец решил немного разнообразить жизнь не только себе, поэтому самые решительные и отважные соискатели господской милости (боже ж ты мой, сколько пафоса в этой фразе!), должны были показать своё умение не только фон Прейсам, но и всем желающим. И таких каждый год собиралось немало. По мне, так – верное решение.

Оделся я просто, поэтому мало кто обращал внимание на мою отощавшую фигуру. А вот зелёная морда моего ехидного друга привлекала внимание, несмотря на то, что он в этих краях отнюдь не впервой. Пара человек подошла, чтобы выразить уважение и передать маленькие подарки, типа конфет или печенья. Орк с вежливой и очень аккуратной улыбкой принимал подношения. Он логично опасался, что широкая зубастая улыбка может вызвать оторопь у обывателя. Поэтому контролировал выражение своих эмоций.

Конечно, меня тоже замечали, приветствовали и благодарили за прошлые дела. Всё-таки не зря я стал мастером бесптиарием. В своё время я оказал пару услуг местным жителям, избавил их от надоедливых тварей вроде сбрендившего медведя, который с голодухи наелся горных мухоморов и полез в деревню искать свою медведицу. Или пещерного брик-

са – существа, которое наращивает на себе каменную раковину и использует сталактиты в качестве оружия. Не слишком опасные для опытного охотника существа, но способные принести неприятности обычному люду. Тем более, мне всё равно надо было тренироваться...

И теперь меня уважали даже не за то, что я являюсь наследником славного дома, а за то, чего я достиг сам. И это грело моё самолюбие.

Солнце близилось к зениту, народ подтягивался к помосту. Церемония должна была начаться уже совсем скоро. Из одного из шатров вышел мастер Гош, следом потянулись наши служащие, чей срок договора истекал. Из другого шатра вышли старосты ближайших деревень – они представляли интересы новых работников. Обе группы подошли к ступенькам, ведущим на помост. Но он ждал своих хозяев – моих родителей. Раздался одинокий удар колокола. Солнце достигло своей высшей точки. Все замолчали. Тишина, нарушаемая лишь треском углей и тихим плеском плавающих крокодилов, повисла покрывалом над людьми. Она придавала моменту особую торжественность, загадочность и значимость.

Спустя минуту раздался стук сапогов по деревянному настилу. По ступеням, что были с задней стороны помоста, поднялся человек – управляющий, мастер Хорст. Он вышел вперёд, вдохнул свежий воздух и громко произнёс:

– Время пришло. Господин и госпожа фон Прейсы! –

и под аплодисменты толпы на эту своего рода сцену поднялись мои родители.

Они приветствовали людей и люди отвечали тем же. Угомонившись, толпа вновь затихла. Пришла пора речи:

– День зимнего солнцестояния – это последний день Старого года. Прошлое уже почти ушло, а будущее ещё не наступило. Согласно традициям и законам, заведённым нашими предками, именно в этот день каждый может выбрать себе новый дом и новое ремесло. Каждый может доказать, что он достоин лучшего места и лучшего отношения. И мы, как верные наследники, чтим закон наших предков. Сегодня, как и год назад, как и десять лет назад, каждый из вас может стать членом нашей семьи или предложить свои услуги. Каждый достойный будет обласкан вниманием. Каждый успешный подтвердит свой успех. Каждый смелый получит свой шанс. День зимнего солнцестояния – поворотная точка года, к которой мы возвращаемся всегда. Да пребудет с нами сила и уверенность в благополучии! Пусть начнётся церемония!

Толпа активно захлопала и закричала. Отец был неплохим оратором, он умел сказать простые вещи понятно и красиво одновременно. Людям нравилось его слушать. Тут мне нечего тягаться с ним – я выбрал другую стезю. Но гордость за отца от этого меньше не становилась.

Церемония, как всегда, начиналась с тех, кто уже служил. Им предлагалось пойти своей дорогой или остаться под крышей нашего дома ещё на год. В этот раз покинуть нас реши-

ли трое: молодой служащий с конюшни и служанка, которая убирала в комнатах – они завели семью; и старый портной, который собрался уйти на покой.

– Мои глаза не так остры, как та иголка, что втыкается в мои пальцы. Я рад был послужить этому дому, но теперь мне стоит уступить своё место более молодым и талантливым, – его слова звучали как завершающий штрих на полотне его жизни. – Мне довелось много поработать, особенно над рваной одеждой юного фон Прейса, – по толпе прокатился легкий одобрителный смех. – Спасибо, что приютили меня двадцать пять лет назад.

– Спасибо тебе, уважаемый Пон, – ответила госпожа фон Прейс. – Ты был ответственным и преданным работником. В память о доме фон Прейсов позволь вручить тебе маленький подарок.

В её руках появились механические часы, на крышке которых выгравировали герб нашего дома.

– Этот хронометр – не для того, чтобы отмерять оставшийся срок. А для того, чтобы фиксировать каждую счастливую минуту своей жизни. Возвращайся к внукам, они уже заждались тебя.

Толпа опять одобрително загудела. Сила не в подарке, а в том, как и кем он подарен. И опять политика – она продолжает править балом.

Дальше на помост стали выходить те, кто хотел служить в доме – повара и кухарки, дворецкие и уборщицы. каждо-

го из них спрашивали, какое место он хочет занять, а затем начинали «допрос».

– Итак, ты хочешь попасть на нашу кухню, – с лёгкой угрозой в голосе поинтересовалась госпожа фон Прейс у повара средних лет. – Ты знаешь, какое отношение к кухне в этом доме?

– Это храм и сердце любого дома, госпожа. Только глупые и недалёковидные правители уделяют малое внимание пище и месту её приготовления. О вашем же трепетном отношении складывают легенды не только в ближайшей округе. На вашу кухню мечтают попасть не только молодые, но и опытные повара. Такие как я, – эта гордая и спокойная речь продолжилась списком заслуг и достижений.

Да, этот повар действительно мог привнести что-то новое в вотчину моей мамы. И она это тоже заметила.

– Мне кажется вам будет у нас интересно, – её ответ заставил толпу взреветь, как болельщиков на турнире.

Отвага и умения ценятся не только на ратном поле.

В ходе дальнейших обсуждений пару человек взяли на замену ушедшим. Остальных попросили не останавливаться на достигнутом и пробовать ещё.

– Время бежит слишком быстро, и через год этот помост будет ждать вас снова, – отец поблагодарил пришедших. – А теперь мы все хотим увидеть необычные умения мастеров, которые пришли к нам. Кто-то хочет получить наше расположение, кто-то – просто показать себя и на других по-

смотреть. Мы не запрещаем ни того, ни другого. А начнёт это представление уважаемый и не раз послуживший нашему дому мастер Гош – волшебник дерева и металла, гравировки и резьбы, провидец вещей и историк предметов!

Народ на площади начал громко аплодировать. Мастера Гоша уважали не только в высшем сословии, но и в собственном окружении. Выходец из маленькой деревни, он достиг всего сам, своим трудом. Да, у него был талант, и мы помогли его раскрыть, дав инструмент. Но то, что он вытворял с вещами, не поддавалось описанию.

Так случилось и в этот раз. Он попросил вынести его работу на сцену – небольшую, в половину моего роста, фигуру девушки. Правда, в первый момент казалось, что она живая, и только тот факт, что её принесли двое молодых парней, выдавал несоответствие. Затем он попросил у Пон его новый хронометр.

– У этого предмета тоже есть история. И я её вам расскажу, – люди затаили дыхание.

Мастер медленно оглядывал хронометр.

– Эта вещь создали более двадцати лет назад, сейчас металл обрабатывают уже по-другому. Мастер был известным и очень хорошим – мне даже посчастливилось с ним общаться. Он работал сначала головой, а потом руками. Стрелки обычно он делал из подручного материала. В этот раз таким материалом стала проволока, оставшаяся от намотки на рукоять. Это позволило сделать стрелки чуток волнистыми,

а не прямыми. Цифры нанесены рукой каллиграфа, а потом закреплены лаком. Механизм прост и надёжен – это отличало мастера от других. Он делал вещи на года, и этот предмет – тому подтверждение, – Гош сделал паузу и ещё раз осмотрел часы.

– Он прошел через несколько рук и неприятностей. Их даже закладывали, но выкупили обратно. Один раз они спасли своему хозяину жизнь, – толпа вздохнула. – Да, в крышку попала стрела, оставив очень специфический след. А так как эти часы носят во внутреннем кармане в районе груди, можно предположить, что Дама с серебристым лезвием стояла очень близко. Надеюсь это были не ваши часы, господин фон Прейс? – старый мастер повернулся к хозяину поместья.

– Нет, мне повезло больше тогда – я укрылся за перегородкой в повозке, и стрелы не добрались до меня. А человек, которому принадлежали эти часы, – мы думали, что всё кончено. А он, как ни в чём не бывало, ринулся на бандитов. Те приняли его за бессмертного посланника Ада и решили поджечь хвосты. И хоть мы потеряли несколько человек, эти часы действительно спасли не одну жизнь.

Толпа возбуждённо загомонила. Мастер, как всегда, оказался на высоте и теперь тихо улыбался в усы.

– Мне кажется, пришла пора другим показать себя! – воскликнул фон Прейс, и мастер Гош, поклонившись, отправился встречать на ступеньках новых претендентов.

Их оказалось четверо: кузнец, мастер по фарфору, худож-

ник и оружейник. Когда объявили последнего, мама бросила быстрый взгляд на отца. Отец сделал вид, что не заметил этого. Все в доме и в округе знали, что в доме фон Прейса к оружию относятся несколько напряженно.

Но попытки оружейников попасть на службу не прекращались, тем более, заказывать оружие в подарок своим соседям всё равно надо было. А то эти вояки могли обидеться, если преподнести им только пирог из капусты. А так – сразу и инструмент, чтобы порезать пирог на кусочки...

Кузнец поиграл с огнём и металлом: под брызги искр и вздохи толпы рождались подковы, подсвечники и куски ограды. В сгущающихся сумерках это выглядело завораживающе. Конечно, мастерство было неоспоримо, но всё-таки где-то тут заканчивалось ремесло и начиналось представление, а это не очень хорошо.

Второй – мастер по фарфору – просто представил свои работы: изысканные чайники, на которые явно положила глаз госпожа фон Прейс; супницу с оленями, которая весила как ванная; расписанная плитка, собранная на доске в целую панораму. Мастер тоже получил свою долю аплодисментов.

Далее вышел художник. Стройная и подтянутая фигура, быстрые и чёткие движения. Он молча поклонился хозяевам дома и ловко подтащил первую подставку с картиной. Под тёмной тканью скрывалось полотно сантиметров девяносто в высоту и шестьдесят в ширину. Художник сделал театральную паузу и сорвал покрывало. Народ ахнул и слегка попя-

тился.

Даже у меня шерсть на затылке встала дыбом – на картине был изображён нападающий крокодил Лугата – возможно, его дикая, неодомашенная форма. В свете факелов и мерцании пламени казалось, что он дышит, не отводя горящего взора от толпы в целом и в частности от меня. Мне стало слегка не по себе.

– Во даёт, – прошептал рядом Роше. – Давно я не видел стоящих художников.

Я продолжал молчать и смотреть на чудовище. Толпа тем временем немного отошла и захлопала, показав, что оценила картину. Художник ещё раз поклонился.

Затем он подтянул ближе к краю помоста следующее произведение под какой-то старой тряпкой. Опять пауза, толпа напряглась, ожидая потрясения. Но автор умело сыграл на этом и показал картину другого настроения – пасторальный пейзаж, вид на какую-то цветущую равнину. И хоть в ней не было ощущения опасности, казалось, что картина живая, что река вот-вот потечёт, что ветер колышет траву и по небу несутся облака. Этот художник воистину был талантлив. Аплодисменты набирали обороты.

Третья картина была выставлена снова под покрывалом. И люди с нетерпением ждали, что же окажется под ним. Автор положил руку на ткань, и все затаили дыхание. Секунда, вторая. Легкий треск пламени и буханье сердец внутри грудных клеток. И вот – полотнище сдёрнуто.

В первый момент показалось, что картина как-то сдавлена. Спустя мгновение стало понятно, что это маленькая комната, вид с какого-то окна. Вот тумбочка на переднем плане, вот на ней бумаги и чернильница. Справа – разобранная кровать, бельё на которой перемотано. Вот тень на заднем фоне.

И тут мне по носу ударило ощущение – я снова чувствовал запах своей микстуры, видел Тень, которая шептала странные чужие слова, легкое головокружение...

Я силой воли заставил себя вынырнуть из этого наваждения – что было, то уже прошло! Но кто он, этот художник, как он написал все эти картины? Я должен подойти к нему!

Но задумку о разговоре прервали пронзительные крики. Женские, с неподдельной паникой.

К ним присоединились матерящиеся, вопящие и кричащие мужские голоса. А затем я услышал характерный рёв диких существ и рванул вперёд.

Тело переставляло ноги, мозг анализировал ситуацию: монстров в этом районе не так много; большинство я вывел несколько лет назад; так близко от дома находится только один вид опасных существ, кроме людей; но с каких пор одомашнивание пошло в обратную сторону?

Последняя мысль дошла до головы в тот момент, когда я выскочил к крайним шатрам. Люди уже освободили этот участок. Мне открылась чудесная и живописная картина: наши крокодилы с рёвом и обнажёнными клыками продира-

ются сквозь эти самые шатры. Пруд за их спиной почти что вскипел – адские сердца наших милых домашних любимцев вышли на боевой режим.

Рука автоматически хлопнула по левому бедру и неуверенно сползла обратно. Меча не было. Я дома, да ещё и на больничном. Я попятился назад. Но судя по всему, эти гады ещё и в темноте неплохо видят. Они ринулись за мной! Мои попятные быстро переросли в забег на короткие дистанции. Дыхалки хватило ненадолго, но я услышал, что меня зовут:

– Мастер Брий, мастер Брий – сюда!

Человек стоял на помосте и размахивал факелом. Я устремился к нему.

Крокодильчики – мои милые и отнюдь не розовые – судя по всему, решили слопать именно меня и поэтому скорректировали свой курс. Их алчущие пасти были где-то рядом. У помоста я понял, что человек с факелом – оружейник. До него очередь не дошла. В одной руке он держал факел, в другой – меч.

– Мастер Брий – держите! – и он кинул клинок в мою сторону.

Оружие взлетело лезвием вверх и не меняя положения долетело до меня. Я спокойно поймал его за рукоять. Одноручник, лёгкий, отличная балансировка – меч как влитой лежал в руке. Хорошая работа, да только нужно что-то во вторую руку.

Но тут уже стало не до выдумок: первая пасть оказалась поблизости и крокодил прыгнул на меня.

Отклонился. Шаг в сторону. Отлично! Тело помнит, что надо делать! Но скорость упала. Крокодилья пасть меня не зацепила, но времени, чтобы нанести удар, не хватило. Я знал, что рискую, пропустив тварь себе за спину, но так уж получилось. Я вбежал на одну ступеньку помоста и обеспечил хоть какое-то преимущество. Заодно избавил свою задницу и спину от неожиданности в виде летающего крокодила.

Ещё одна пасть кинулась ко мне, но я был готов. Шаг на ступеньку выше, вынести меч в сторону и нанести колющий удар в шею. Тугая струя крови плеснула на землю. Лезвием, как рычагом, увеличиваем рану и отходим вверх.

Крокодил, которого я пропустил мимо себя, уже развернулся и неспешно двинулся ко мне. Я не стал ждать, пока он прыгнет, и кинулся вперёд на открытую пасть. Животные – они везде животные, даже если очень большие и злые. Удар в нёбо, клинок легко пронзил тонкую перегородку между челюстью и черепом, и вуаля – труп нового врага.

Но вот неудача – меч застрял! Я дернул раз, второй – толку не было. Пришлось отпустить рукоять и отступить по ступенькам. Здесь на помосте оставались: оружейник, рыщущий в свёртке; мой отец, раздающий указания охране о том, как загонять обезумевших чудовищ; да картины художника, который сам пропал неизвестно куда.

Я собрался схватить факел в качестве оружия, но оружейник крикнул:

– Мастер Брий, вот меч! – в этот раз он дал его мне в руки, благо было недалеко.

Во второй руке он уже держал не факел, а ещё один меч. Тот, что он протягивал мне, был длиннее первого, более привычный: бастард или полуторник.

Схватив меч, я сразу повернулся, чтобы нанести удар: крокодилы не ждали, а старались заползти на помост. Одному из них это удалось. Нам с оружейником пришлось отойти на несколько шагов. Потом несколько ударов, и пасть захлопнулась, но следом ещё один. Так сколько их было в пруду?! Я сделал ещё шаг назад и запнулся обо что-то – это оказалась картина. Я упал на спину, но это не помешало мне вонзить клинок в крокодила снизу, а оружейнику – отсечь рептилии голову.

Помост был скользким от крови, но убитый крокодил оказался последним. Парочку рептилий, что не успели забраться вверх, загнали егеря под руководством Роше. Тот не мог добраться до меня из-за паники толпы, поэтому немного отстал от событий.

Я полулежал на досках помоста и тяжело дышал. Вот так тренировочка в родном саду! Вокруг лежали тела и головы домашних монстров, чья нить жизни закончилась странной вспышкой гнева и была обрублена стальной полоской. Я повернулся на бок – подо мной лежала картина с крокоди-

лом Лугата, того самого, что атаковал меня. Теперь по его клямкам текла его же кровь, что придавало картине поистине омерзительный вид.

Оставив меч, я дошел до третьей картины, на которой была изображена моя комната – и Тень.

Комнату прописали очень подробно, будто художник рисовал её с натуры. Тень оставалась Тенью, но моё внимание привлекла тумбочка на переднем плане: то, что казалось нарисованным, на самом деле являлось прикреплённым непосредственно к картине! На тумбочке «лежали» бумаги. Я коснулся их рукой, опасаясь подвоха. Но те просто отвалились от холста. Если первый лист исписали всякой ахинеей и детскими каракулями, то второй и третий листы оказались очень занятными.

Это были два листа из моего старого дневника. И прочитав первые строки, я уже знал, чем всё закончится.

Крокодил на обед

Сегодня ровно три месяца, как я начал вести этот дневник. Зеленомордая поганка сидит рядом, радостно лыбится и зубоскалит. Он выиграл, но нечестно – на его сторону встал мой отец со слишком весомыми доводами. Я так до сих пор и не понял, какого лешего отец поддержал эту затею, но вот – я сижу и строчу.

Вчера, после очередного учебного дня и тренировки, было только одно желание – выпить вина и завалиться на койку. Что и было проделано с невероятной радостью. Сегодня, правда, побаливала голова, но зато выходной и возможность прогуляться по кабакам всерьёз. Но не дали.

Поганка молча чистил сапоги – он так же серьёзно готовился к выходу в свет. Как сын орочьего посла, он имел определённые привилегии, я, как ближайший друг этого посла, – тоже. Сегодня в наших планах был фешенебельный ресторан, где собиралась городская элита, заезжие гости, посылы и все те, у кого в кармане не бывает пусто. Моя семья тоже не из бедных, но я не рисковал ходить в это место. Но в этот раз Роше настаивал:

– Отец собирается провести вечер с какими-то шишиками. И как представитель другой расы, я должен явиться вместе с ним. А ты можешь просто увидеть высший свет... Ну, в смысле, совсем высший, – слегка сбился орк. – Может,

познакомишься с кем-нибудь...

Я просто махнул рукой. Мне было не по себе. Но я шёл, так как не мог подвести этого поганку...

...Ресторан горел яркими огнями, вокруг сновали толпы людей, разодетых в богатые и не очень одежды. Постоянно подъезжали кареты, лакеи подбегали к дверцам, всё это сверкало, блестело и переищёптывалось.

Мы с Роше были одеты как на парад, но в глубине души (да что там в глубине – под маской вежливости) мечтали свалить подальше, в родные кабаки, где вокруг ровня, молодежь и креплёные вина. Но мы уже стояли у входа:

– Вы среди приглашённых, господа? – вежливо-безразлично поинтересовался метрдотель.

– Да, мы вместе с послом из Горы, – Роше нарочито не называл имён.

Метрдотель проявил толику любопытства.

– Прекрасно. Меня попросили обеспечить вам свободный проход. Вам в третий кабинет.

Кабинет оказался огромной залой, в которой было полно народу. Все расфуфыренные и накриноленные. Нас усадили недалеко от главы стола, за несколько мест до кресла отца Роше. Было шумно: разговоры людей, музыка, шаги, стулья, тарелки порождали какофонию. Но вошел посол, представитель города и в зале воцарилась тишина. Стало слышно, что кухня находится прямо за стенкой, и там активно что-то шкворчит.

– Приветствуем вас, господа! Званный ужин в честь наших друзей из Горы – объявляю открытым! Да будет наша дружба вечной, крепкой и, конечно, прибыльной! – представитель города поднял бокал.

Присутствующие поддержали, и мы следом.

Дальше началось что-то похожее на обычные посиделки, но без шумных криков, ругани и кидания бутылок. Чинно, спокойно, со вкусом. Иногда люди переходили с места на место, общались, интересовались делами соседей. К нам подсел среднего возраста мужчина с короткой косичкой из тёмных волос:

– А молодежь чего скучает? Неужели старики так неинтересны?

Мы вежливо улыбнулись, но постарались не вступать в дискуссию – даже Роше не очень знал, кто здесь кто, поэтому оскорбить генерала или главного казначея было бы элементарно и очень небезопасно.

– Да, ладно, чего молчите? Думаете, что сын посла и сын благородного фон Прейса могут оскорбить старика? Вряд ли. А если и удастся – сочтёмся. Я думаю, вам стоит дойти до кухни и глянуть, когда принесут главное блюдо. Поговаривают, что в этот раз повара должны превзойти самих себя.

Дядька заинтриговал нас, после чего встал и пошел дальше приветствовать знакомых. Он знал наши имена, даже моё. Он не боялся подтрунивать над нашими соседями. За-

нятный мужик. Мы решили послушать его совета и, переглянувшись, отправились на кухню.

Кухня была полна запахов, пара, криков и указаний. Она очень напоминала мне дом, где мама с твёрдостью генерала управляла развитием боевого сценария на полотне нового рецепта. Правда, она никогда не экспериментировала с живыми существами, а эти рискнули.

Они притащили на кухню живого крокодила – почти такого, как у нас в пруду, только поменьше и чуток другой расцветки. И теперь пытались его утихомирить, но он брыкался и не давал себя связать окончательно. И в тот момент, когда мы зашли, он наконец смог освободиться.

Повар закричал на подчинённых. Существо очень испугалось. Оно с хрипом вырывалось и щёлкало зубами. Поварята и прочая прислуга кинулась в разные стороны, бросая верёвки и кухонные принадлежности.

Ещё рывок, и крокодил соскочил со стола. Дёрганой походкой, хрипя и воя, двинулся к ближайшему выходу. То есть, к нам. А за нами – зал с ничего не подозревающими гостями. В моей голове что-то перещёлкнуло, и я крикнул:

– Роше, запри дверь, нельзя его выпустить! – а сам кинулся к столу, на котором лежали ножи.

Что я делал, я не знаю. В тот момент считал это единственно верным решением. Нож в руки, напряжённые мышцы, сосредоточенный взгляд – и надвигающаяся пасть. Он был меньше взрослого крокодила, но его пасть мне пока-

залась бездонной. На мгновение я застыл, страх вцепился в меня сильнее крокодильей пасти. Но он сшиб хвостом кого-то из слушающих. Я очнулся и рванул вперед.

Я закричал, напугав его ещё сильнее и заставив пятиться. А затем кинул в него нож. К своему удивлению, я попал в него, и лезвие даже вошло в плоть. Правда, это не остановило крокодила. Он завертелся на месте, сшибая столы с посудой. Я схватил ещё один нож и прыгнул на зверя. Лезвие вонзилось в спину крокодила, и тот издал звук, похожий на крик.

Дальше помню удар, который вышиб дыхание. В глазах – муть, пол накренился под каким-то неестественным углом.

Крокодил крутится, а затем на мгновение замирает и начинает двигаться ко мне. Роше подбегает сбоку и вонзает ещё один кухонный нож зверю в спину. Затем улетает от удара хвоста. Несмотря на три ножевых ранения, тварь движется и полна желания перекусить мною.

А потом появляется мужик с косичкой и непонятно откуда взявшимся мечом отрубает крокодилу голову.

Кухня затихает. Меня поднимают с пола, дают в руки стакан, от которого разит самогоном.

– Пей, фон Прейс. Ты, конечно, молодец, но сейчас надо прийти в сознание.

Глотаю огненную воду, и в глазах становится яснее, а вот внутри – пожарчик.

– Вот и отлично! Твой друг тоже в порядке, – кивает

в сторону, где сидит и машет мне рукой орк. – А теперь вопрос – какого рожна ты полез с голыми руками на монстра?

– Мне показалось, что так будет правильно.

– На что ты рассчитывал?

– Я думал...

– Он думал... Мда, фон Прейсы не измелъчали, это радует. Мне кажется, тебе стоит зайти ко мне, но уже не сегодня. Есть о чём поговорить.

И нам действительно нашлось о чём поговорить.

С НОВЫМ ГОДОМ

Утро Нового года я встретил сидя на помосте, болтая ножками и жуя пирожок. Последние костры догорали, шатры оттащивали в сторону. Было тихо, лишь изредка слышалась переключка егерей и охраны в парке и за границей поместья. Роше уже третий час помогал раненым, отец занимался организацией поисков виноватых, уборкой руководила мама. Один я, с пирожком да усталостью, сидел без дела.

Нет, конечно в начале я тоже был при деле – растаскивал вместе с охраной шатры, проверяя, не задавило ли кого. Потом складывал картины пропавшего художника – крокодил до сих пор вызывал инстинктивное желание вжать голову в плечи. Немного пострадал пейзаж. Он утратил чистоту и яркость. Картину с Тенью я запаковал особенно тщательно, в надежде проанализировать её подробнее позже, когда станет светло.

Затем я вытащил застрявший меч из пасти крокодила и вернул его оружейнику. Тот сидел с поникшей головой – было ощущение, что он впал в протрацию. До него явно только сейчас дошло то, что произошло, и как близко была Дама с серебристым лезвием. Бастард продолжал лежать на помосте и я уселся рядом с ним, как у поверженного верстового столба, отмечающего поворотный отрезок.

Утром стало совсем холодно, и мне принесли шерстяной

плед, вместе с кружкой травяного настоя. Комбинация этих элементов дала тепло и спокойствие. Легкий пар над кружкой, как туман, навевал мысли о вечном, о прошлом, о забытом. Плюс эти листы дневника с похожим событием, которое произошло много лет назад. Сейчас я понимаю, что те события стали поворотными в моей судьбе. А теперь?

А теперь много вопросов, несколько неприятностей, боевой опыт и неизведанный путь. Что делать? Искать художника, Тень? Вылавливать всех крокодилов? Их и так, по-моему, всех зарубили. Благо, что уже растащили по углам и по помойкам. А то видок тут был адовый – поле боя, зубы монстров и лужи крови. И всё это – в переменчивом свете огня. Повезло ещё, что не дошли до дома – а то и там бы порядок нарушили.

А теперь просто нужно убрать полдвора, прочесать всю территорию для проверки (а вдруг какая тварь ещё где затаилась), уговорить служащих вернуться и продлить Договор, ведь сама церемония не была закончена. На данный момент, у нас официально не было ни одного служащего. Некоторые, конечно, – те, кто был в доме не первый год, – сами вернулись и начали помогать. Но те, кто только начинал свой путь в наших стенах – вот тех и пришлось поискать.

Согласно правилам, мы не имели право на них давить – если они решили передумать, то до заключения Договора они вольны делать что хотят.

Вот эта мысль заставила меня встать – получается, что

в тот момент спровоцировать крокодилов мог кто угодно и даже наш служащий, поскольку не был связан узами Договора. Надо осмотреть тела Лугатов и проверить на наличие каких-то подозрительных вещей. А затем опросить всех, кто занимался их кормлением и уходом.

Я передал своё пожелание пробежавшему мимо егерю, и тот помчался искать всех, связанных с прудом и крокодилами. Сам я прошелся до помойных куч, у которых пока что лежали тела убитых существ.

Туши были покрыты корками крови, виднелись резанные и колотые раны, которые наносил я, и странные, тонкие и глубокие, которые наносили стражники своими копьями-алебардами. Непривычно было наблюдать такие раны, но я видел последние удары наших молодцов и не списывал эти дырки на происки неизвестного злоумышленника.

К тому же, некоторые тела ещё были теплыми, даже несмотря на отрубленные головы – что-то безумно их разозлило и заставило адский механизм биться часто и горячо. Что могло спровоцировать такой долгий обратный процесс – от домашнего, слегка кусающегося зверька, до смертоносной твари, которая готова рвать и метать, лишь бы насытить своё брюхо человеческой кровью? Пока вопрос был открыт.

Пришли стражники, привели двух служащих, которые занимались крокодилами и прудом. Один пожилой дядька – он кормил не только крокодилов Лугата, но и уток, цапель и рыбок в остальных прудах. Второй – молодой парень, взя-

тый за реакцию и бесстрашие, именно для работы с крокодилами. Оба были напуганы и наперебой рассказывали, как их питомцы резко озверели и поползли на народ. И очень переживали, что третьего подручного рядом не было.

– А где он был и, главное, где он сейчас? – задал я закономерный вопрос.

– Понятия не имеем, господин. Он как вчерашнего дня пропал, так и не появился. Думали, что напился вчера и не вернулся. А теперь даже и не знаем, что предположить.

Я приказал дать описание третьего служащего стражникам, а те, в свою очередь, обещали начать поиск пропавшего. Я надеялся, что он действительно просто напился и не вернулся. Как не хотелось признавать, что кто-то из твоих людей мог устроить такое, чтоб его, представление...

Все разбежались по своим делам, а я решил пройтись до пруда. Он уже не кипел – некому было его греть. Согласно подсчётам, мы потеряли девять крокодилов. Всю семью. С точки зрения финансов – немало, а вот с точки зрения истории и воспоминаний – невероятно много. Берега водоёма были взрыты десятками когтей, местами были видны неглубокие траншеи от проползших тел.

Я осматривал следы с обычным для охотника любопытством – они могли сказать многое о существе, которое их оставило. Эти следы говорили о прекрасной форме монстров, их массе и силе. Следы шли все в одну сторону – туда, где стояла толпа. Создавалось впечатление, будто они резко

и все сразу захотели человеческого мяса и крови. Если считать, что привычку жрать что попало выбил из них отец Лугат триста лет назад, было непонятно, с какого перепугу они так взъярились.

Я продолжил анализ следов и пришёл к неприятному открытию – по одному из них шла кровь: едва заметный след тянулся от пруда. Направление можно было определить по сужающейся полоске крови – у пруда она была самая широкая, а значит, больше всего её было именно в пруду.

Я окликнул проходящего мимо служителя и попросил принести багры. Тот быстро вернулся, захватив пару помощников. Вместе мы прочесывали дно пруда, пока не наткнулись на посторонний предмет. Приложив усилие, мы получили, что хотели – на свет божий явился скрытый объект. Вот это и называется – спрятать концы в воду...

Над поверхностью показался сильно повреждённый труп человека: у него отгрызли руки, прокусили одну ногу, мяса на корпусе почти не осталось. На нём были остатки ткани, по цвету которой можно было бы предположить, что он служил в нашем доме. Чудесное завершение служения в господском доме, ничего не скажешь. Я позвал служащих пруда...

...Роше стоял во главе стола и докладывал отцу о состоянии здоровья раненых, о проводимых мероприятиях по очистке территории, о затраченных ресурсах на оказание помощи. Отец сидел мрачный и сосредоточенный, таким я давно его не видел. Когда он наклонял голову вперёд,

фон Прейс становился похож на орла, высеченного из камня – грозный и неподвластный. Он не был охотником, который выслеживает дичь в лесу, он был соколом, который видит ситуацию с неба и наводит собак и простых охотников на жертву. Это умение, этот нюх на поставленную цель поражали воображение. В последние годы работы загонщика было немного, но теперь отец почуял угрозу в собственном доме и не собирался поддаваться. Он впитывал в себя всю информацию как губка, чтобы затем превратить её в чудовищное оружие против нападающего. У меня были прекрасные учителя, но он – самый первый.

– ...к тому же я осмотрел тело погибшего служителя. Сложно сказать, был он убит до падения в воду или умер от зубов, но точно могу сообщить, что он был отравлен специальным зельем. Оно, в общем-то, и послужило первым крючком, который вытащил крокодилов в их первородное состояние.

– Что за зелье? – вопрос, как удар бича, но орк не тушется, он привычен и ко мне, и к отцу.

– Это настойка из специфических болотных трав, которые в соединении производят запах тлена. Можно сказать, что крокодилы кинулись на падаль, а падалью оказался человек с ещё теплой кровью. А согласно данным Лиги исследователей, зверь, который попробует человеческую кровь, автоматически хочет продолжения банкета. Здесь ещё наложилась природная кровожадность этих существ, шум толпы и пуга-

ющее пламя. Страх, голод и дурман вытащили одомашненных питомцев из пруда и потащили на первородную охоту.

– Не защищай этих тварей! Питомцы, чтоб их... Кто мог подумать, что приبلуда двадцатилетней давности станет такой губительной? Можешь сказать, когда тело попало в пруд?

– Минут за двадцать до нападения. По моим расчётам, как раз незадолго до выступления художника.

– Вот и этот художник. Мне очень интересно, откуда он взялся и что он из себя представляет. Талант его неоспорим, но насколько я понял, он исчез после нападения. Так что можно считать, что он причастен к нападению на мой дом.

Последняя фраза прозвучала как приговор. Жёсткий смертный приговор. Долгий и мучительный.

– По тем данным, что удалось собрать, – взял слово управляющий Хорст, – художник присоединился к конкурсу за три дня до зимнего солнцестояния. Он представился мастером Драко и заявил, что он – успешный художник, чей талант признан в нескольких городах. К нам пришел по причине известности семейства фон Прейсов, с желанием показать своё мастерство. Последнее ему явно удалось, – чуть тише произнёс управляющий. – Также есть описание его внешности и очень разрозненные данные о его передвижениях с началом суматохи.

– Думаю, что эти данные ты уже передал моим егерям?

– Конечно, господин.

О, егеря моего отца – это тоже отдельная песня. Это настоящие гончие псы, способные выследить и загнать любую дичь. Каждый из команды егерей – отборный, тренированный, страшный в ближнем бою и меткий в перестрелках бо-ец. В каждого из них были вложены огромные усилия и деньги, но за это они отдали свою жизнь на служение отцу. Он был для них царь и Бог, он вёл их железной рукой к победам. Основной целью для этих ребят были беглые преступники, разыскиваемые личности, криминальные авторитеты – короче, все те люди, которые могли или уже наворотили дел и не хотели за это отвечать. Цель всегда была одна – найти и поймать, если оказывает сопротивление – уничтожить максимально быстро. Потеря любого егеря каралась жестоко и без промедления как самими егерями, так и их руководителем. В этот раз появился провинившийся человек, который мог получить все прелести возмездия и без смерти егеря.

– Если мои ребята ещё не потеряли свой нюх, – с легкий сарказмом произнёс фон Прейс, – то в ближайшие часы мы получим первую информацию. А пока продолжим разбор.

Фон Прейс повернулся ко мне:

– Сын, ты не пострадал?

– Нет, отец.

– Это радует. Хоть болезнь тебя и подкосила, но я рад, что ты оказался в такой момент дома. Без тебя охране да и простому люду пришлось бы тяжелее.

Я не стал говорить вслух про своё подозрение, что если бы

меня тут не было, этого не произошло бы. След Тени был слишком явен. Интересно, художник – это сама Тень или просто работает на неё?

– Кстати, ты уже оценил работу оружейника? Мне показалось, что его мечи стоят внимания.

Я вспомнил, что дрался не родным оружием, оценил лёгкость и прочность клинков.

– Да, отец, мечи действительно хорошие – легкие, по нашей руке, замечательная заточка. Возможно, нет излишней красоты, но как боевое оружие – очень хорошо. Только вот один застрял в пасти...

– Да, мастер уже извинился и объяснил причину этого недоразумения. Ты так удачно попал между костями, что клинок напросто зажало как в тиски. Нужно было расшатать справа налево, и тогда бы он вышел из раны.

– Тогда было не до таких подробностей.

– Не сомневаюсь. Чтобы компенсировать этот ущерб, я предложил ему осмотреть моё новое приобретение, – и хитро-зловещая улыбка проскочила по лицу фон Прейса. – Такого мы ещё не видели.

– Мастер Гош, мастер оружейник (как, кстати, его звать-то), Вы, Брий и я – не многовато ли специалистов на один... эм... артефакт? – спросил Роше.

– Когда мы достанем его из-под стекла – поймешь, что этих мастеров тоже может оказаться недостаточно. А оружейника зовут Клив.

Что ты притащил в свою коллекцию, отец? Почему это способно отвлечь тебя даже от нападения на твой дом и семью? Мне стало как-то неуютно... Он, конечно, увлечённый человек, но что за вещь могла заставить его изменить своему слову, согнать кучу опытных людей для изучения и на фоне произошедшего не потерять к ней интерес?

– Думаю, мы можем отправиться в Арсенал прямо сейчас. Пока егеря и прочие соберут достаточно информации, мы можем работать. Ну что, все готовы? – мы молча кивнули, не высказывая недовольства. – Тогда попросите мастера Гоша и мастера Клива присоединиться к нам в Арсенале, Хорст.

И добавил уже только нам с Роше:

– Нам предстоит интересная работёнка, господа.

Дальше были родные стены, притихшие коридоры, один раз мы слышали плач служанки. Дом был потрясён произошедшим, люди находились в страхе и за себя, и за своих близких. А мы молча шли на второй этаж, где нас ждала какая-то тайна.

Когда мы пришли, к Арсеналу, на зов своего господина, как раз подоспели мастер Гош и мастер Клив. Вместе с ними нас было пятеро – все опытные в своих сферах люди, которые уже тем или иным образом работали вместе. Забавно – случай свёл разных людей, из разных сословий и разных профессий в одно место, чтобы изучить один артефакт, который не давал покоя одному человеку. Я вздохнул и зашёл

в комнату вслед за отцом.

Увиденное внутри нас ошарашило. Мы взирали на откровенно искажённую картину и не могли сказать ни слова: по комнате на четвереньках ползал и тихонько ныл доктор Омнис. Не молодой уже человек выглядел безумно печальным и потерянным, его руки, которые шарили по полу – тряслись, а извечная сумка лежала на полу в нескольких шагах от него. Белая борода была в пыли (удивительно, как ему удалось её найти в мамином доме), глаза на мокром месте, а пальцы в мелких занозах от половых досок.

– Что случилось, доктор? – прервал скулёж врача фон Прейс-старший.

Доктор поднял голову и осмотрел вошедших. Его взгляд остановился на мне, и тут же раздался крик-стон:

– Дурной мальчишка – это всё из-за тебя! Это ты во всём виноват, мальчишка! Я же говорил – лежи в постели, не вставай, ан нет – надо бегать, кричать, людей пугать... – и старик снова перешел на тихое хныканье.

– Я спросил – что случилось? – в тоне отца появились грозные нотки. – В моём доме принято отвечать на вопрос прямо, а не скулить!

Отец был зол, и это выступление не добавляло ему настроения.

– Из-за этого хулигана я потерял очень ценную вещь и теперь не могу её найти. А она сказала, что в день, когда я её потеряю – гореть в огне, гореть в огне...

– Какую вещь? Кто сказал? Какой огонь? Вы уже прекратите бредить или мне достать меч?! – отец повысил голос.

У меня по спине прошелся холодок – слишком уж много необычных событий произошло вокруг и сразу. Кто-то почитает мою работу одним большим необычным событием (как моя мама, например), но то, что творилось в родном доме, превосходило всё. Даже доктор Омнис, надёжа и опора, слегка сбрендил. И что за вещь он потерял?

И тут я вспомнил металлический звон, который раздался после моего «боевого выезда» на Соплежуе. Я пошел вперёд, в сторону скелета, молча показав рукой, чтобы все стояли на месте. Встал рядом с другом детства, представил тот момент, когда доктор дремал в кресле. Почти услышал звон, повернул голову и увидел стенд с какими-то зубастыми то ли змеями, то ли червями. Под этим стендом была небольшая щель. Я подошел к нему, наклонился и попробовал засунуть пальцы под шкаф.

Пальцы почувствовали металл, но достать не смогли – длины фаланг хватало только для того, чтобы коснуться предмета. Я вытащил свой кинжал и просунул лезвие под стенд. В этот раз мне удалось подцепить то, что лежало внизу. Я начал осторожно выталкивать предмет из-под шкафного плена. Первыми появились клочья пыли (так вот где хранится вся пыль в доме), затем какой-то песок. А следом на свет появился предмет, похожий на монету.

И тут же мне почти на голову прыгнул Омнис.

Опытный охотник, пусть даже дома на больничном, готов к нападению. Доктора я поймал прямо в воздухе, встретив его ударом руки в грудь. От этого у него перехватило дыхание и, конечно, не хватило инерции, чтобы упасть на меня. Мне стало совсем любопытно. Безумие охватывает массы – не к добру...

Опавшего доктора к полу уже прижимали двое – Роше и отец. Фон Прейс держал в руке клинок, который касался горла врача:

– Какого рожна ты творишь, медик? Какой бес в тебя вселился? Смерти захотел или тебя купили, морда?

Омнис только тихонько скулил и пытался закрыться руками. По его морщинистым щекам текли слёзы.

– Гореть в огне... Гореть в огне... – шептал доктор и сумасшествие тихонько заползло в его глаза.

А я тем временем изучал предмет, который достал из-под стенда.

Металлическая бляха, похожая на монету или памятный знак, сантиметра два с половиной в диаметре, тускло-жёлтого цвета. Легкая, судя по всему – прочная. На одной стороне изображена женщина с огромными глазами без зрачков и радужки, на другой – пламя. Знак казался опасным, хоть и нарисованный достаточно просто. Художник был явно молодцом.

– Брий, что это за хрень? – окрик отца оторвал меня от размышлений. – Из-за чего наш доктор тронулся умом?

Я молча показал ему найденный знак. Тот несколько секунд изучал его, потом протянул руку и жестом попросил отдать его. Я так же молча отдал. Далее отец жестами попросил плотнее прижать доктора к полу – оружейник, Роше, я, мастер Гош взяли его за все конечности. И тут отец просто засунул значок Омнису в рот.

Мне показалось, что запахло гарью. Старик выгнулся и захрипел. Его корчило и крутило, но он не кричал, а просто шипел. Четверо взрослых мужчин держали его, а отец молча стоял над нами и ждал. Спустя минуту старик затих. Он ещё больше осунулся, но его дыхание успокоилось, он перестал бормотать и просто лежал с закрытыми глазами. Мы его отпустили. Прошла ещё одна минута, и тут он поднял руку, достал бляху изо рта и сказал:

– Спасибо, господин фон Прейс.

Видели бы вы наши глаза – человек, который минуту назад был больше похож на животное, вернулся к нормальному состоянию! Мы повернулись к фон Прейсу с молчаливым вопросом (тихая сценка получилась, это да):

– Это знак ордена или секты, кто как называет, огнепоклонников.

– Это те, что верят в живой огонь? И приносят в жертву людей? – спросил оружейник.

– Они используют в ритуалах человеческую кровь. Но только добровольцев, – ответил отец.

– Это сдерживает нападки со стороны других вер, – за-

думчиво дополнил мастер Гош.

– Доктор Омнис говорил, что был болен когда-то. Но никогда не говорил, чем и как вылечился, – продолжил отец.

– У огнепоклонников есть поговорка: «Безумие – это заросли, в которых плутает человек. Иногда нужен лесной пожар, чтобы показать сбившемуся его истинный путь», – сумничал Роше.

– Если так – то мы только что наблюдали за каким-то огнепоклонническим лечением, – язвительно дополнил отец.

Доктор лежал на полу. Остальные сидели вокруг него и пытались осознать услышанное. Отец стоял посреди комнаты и размышлял о чём-то своём.

Не заладился новый год, совсем не заладился.

Задумчивую тишину нарушил топот сапог по коридору и громкий стук в дверь:

– Господин фон Прейс! Господин фон Прейс! – громко звали с той стороны. – Мы нашли его! Он уже здесь!

– Кто здесь? Кого нашли? Неужели художника? – отец встрепенулся, как птица после дождя.

– Да, мы поймали художника, он даже не сопротивлялся.

– Замечательно. Где он? – фон Прейс направился в сторону двери.

– Он уже в допросной.

– Ну и скорость, молодцы. Порадовали, – отец остановился в дверях и оглянулся на нас. – Предлагаю мастерам остаться с доктором, а вам, молодежь, пройтись со мной. Думаю,

будет интересно поговорить с талантливым человеком.

Затем он глянул на накрытые стены, до которых так и не дошли:

– Сюда мы вернёмся позже. Может, даже не сегодня. Всё зависит от нашего нового друга.

Он повернулся на каблуках и отправился за егерем. Мы последовали за ними, стараясь не отстать. Отец задавал вопросы о том, где нашли художника, сопротивлялся ли он, какие потери. Судя по всему, выходило, что захват мастера Драко оказался элементарным делом – его нашли в таверне неподалёку от поместья, он был вдрабадан пьяным и совершенно не сопротивлялся. На это у него просто не было сил!

Эти новости нас очень удивили. Мы уже записали его в убийцы и профессионалы, а тут какое-то непонятное поведение. Оставалось надеяться, что современные методы допроса помогут выяснить всю правду. Меня аж передёрнуло от этой мысли, но с другой стороны – не надо было подставляться.

Когда мы дошли до основания башни, под которой как раз находились допросные, егеря уже подготовили первичный доклад. По их словам, человек был настолько пьян и невменяем, что даже болевые ощущения воспринимал неадекватно и, следовательно, пытки не дали результата.

Мы постояли в коридоре, помолчали, а потом решили всё-таки заглянуть к нашему гостю.

Тот болтался в кандалах на дальней стене, в драной руба-

хе и лосинах. Длинные патлы свисали на лицо и скрывали глаза. Из-под этой гривы раздавались музыкально-булькающие звуки – это было похоже на какую-то бульварную песенку в исполнении городской канализации.

– Он так «поёт» уже час, с момента как мы его повязали, – доложил старший из егерей.

– Вы уверены, что это он? – задал риторический вопрос отец.

Он сам видел, что это тот же художник, который почти сутки назад казался решающим звеном между спокойствием и хаосом. А теперь эта пьяная свинья висела прикованная к стене и выдувала музыкальные пузыри.

Мерзость...

– Думаю, что утро вечера мудренее... – задумчиво произнёс Роше. – Я дам им пару трав, чтобы он быстрее пришёл в себя. Пусть сделают настой, а завтра зададим ему все вопросы.

Возражений не последовало.

В поисках ответов

Мне удалось выспаться, и это радовало. Предыдущие сутки без сна и напряжение, которое сковало меня, отступили под напором усталости, и ночь прошла мирно. Я чувствовал себя живым, сильным и поэтому с удовольствием начал день с тренировки – растяжка, силовые упражнения, немного гибкости, удары.

Пока что я не загружал себя на сто процентов, давал телу привыкнуть к нагрузкам. Знаю, что резкие перепады могут сказаться на охоте, и отношусь к своей главной охоте с большим уважением. Не спешу. Тело восстанавливается всегда быстрее, чем голова. Но и голова не должна подгонять тело в погоне за умозрительными заключениями.

Какие мы умные...

Сегодня даже случилось необычное – я застал орка спящим, чего не случалось с тех пор, как мы столкнулись с крокодильчиком на кухне. От стресса и удара тогда орк проспал почти сутки. Сейчас, конечно, столько он спать не будет, но усталость, напряжение, анализ – всё это подточило силы моего друга, и ему требовался отдых.

Я уселся в кресло, недалеко от письменного стола, и стал карябать свой дневник. Скрип пера успокаивал, бумага была как поле возможностей, которое манило. Хотелось окунуться в те миры, которые скрывались за тонким слоем бумаги,

но ещё ждали своего рождения. Да, Роше всё-таки был прав – дневник очень мне нужен. И тем серьёзнее я относился к потере нескольких лет своей жизни. Два листа старой истории лежали в моей комнате, рядом с новыми записями и напоминали о том, что всё было и мне не показалось. А значит нужно двигаться и искать.

Орк заворочался в своей кровати, а потом не открывая глаза заявил:

– Брий, если ты пододвинешь мне стакан воды – я буду тебе очень благодарен.

– А если не пододвину?

– Тогда я не скажу, что ты сидишь на гнезде ос.

Я подпрыгнул над стулом – зная орка, его слова могли оказаться правдой. Услышав мой всхлип и звук прыжка, орк открыл глаза, посмотрел на меня, бледного, и начал ржать. Естественно, ни на стуле, ни под ним гнезда не было.

– В прошлый раз ты мне не поверил и был наказан, – отсмеявшись, орк сел на кровать. – В этот раз поверил, но результат примерно тот же.

– Смейся, смейся, поганка зелёная. Лучше уж я подпрыгну, чем опять окажусь покусанным какими-нибудь твоими жуками. И зачем они тебе?

– Угу, затем же, зачем и травы – лечить окружающих, в частности – тебя. И если в этот раз тебе повезло – руки не подвели – то вот другим не так. Есть пара раненых, которым нужен яд ос.

– Так ты на самом деле припёр осиное гнездо в дом?

– Сейчас же зима – все пчёлы и осы спят – прекрасное время их собирать, – невозмутимо ответил Роше. – К тому же я достаточно умный орк – гнездо оставил на улице, чтобы осы не проснулись. Можешь посмотреть на подоконник.

Я не утерпел, встал с кресла и прошёлся до окна. На нём действительно лежало бумажное яйцо осиногo домика. Внутри, наверное, было много ос, которые ждали весеннего тепла и возможности собирать нектар. Но теперь их тела помогут выжить кому-то, кто получил серьёзные раны от наших питомцев.

– Опять будешь шаманить? – поинтересовался я.

– Думаю, что в этот раз сделаю просто механическую обработку – нет времени на полноценный обряд. А моё шаманство – не сыпь мне соль на задницу...

– Всё так плохо?

– Достаточно, чтобы торопиться. Раны рваные, и в них попала зараза – то ли падаль, то ли просто с земли. Начался процесс гниения. Не хочу ампутировать руки и ноги молодым – ещё пригодятся.

Я кивнул, принимая его слова. Люди не в чём не виноваты, просто не повезло. Но мы можем им помочь. Роше молча откинулся на подушки, потом встал. Природа не обделила его физическими данными, как и практически любого представителя его расы. В бою он был грозным противником. Если с оружием я мог его победить, то в рукопашной мне это

удавалось не всегда, и это несмотря на то, что по основной деятельности он лекарь. Плюс его изредка проявляющиеся способности провидца. Короче, интеллигент интеллигентом, но с отличной боевой и физической подготовкой!

– Я смотрю, ты о чём-то задумался, мой меченосный друг, – орк прервал мои размышления.

Я поднял бровь.

– Ты с таким философским выражением смотришь на меня, будто увидел во мне музу или божественное явление.

– Гад. Просто гад, – я покачал головой. – И как у такого отца как твой, мог уродиться такой язвительный отпрыск.

– Так же, как от твоего уродился любитель поискать приключения на свой зад, – но тут орк стал серьёзным. – Насколько я понял, на третьей картине была твоя комната. Причём, по твоей реакции, я предположил, что нарисовано было подробно и очень живо, как, в общем, и на остальных картинах. Дурацкий крокодил, – Роше передёрнуло. – Короче, пошли найдём твоего отца и сходим в допросную. Если его егеря дали художнику нужную дозу, сейчас он должен быть трезвым и жутко голодным. Не стоит морить бедного человека.

Орк ухмыльнулся и пошёл мыться. Я остался сидеть в кресле ожидать его. Мои мысли вились вокруг последних событий, стараясь выстроить всё в какую-то цепочку. Пока получалось плохо, но была небольшая надежда, что скорый разговор, если так можно выразиться, прояснит ситуацию.

По дороге в допросную мы рискнули зайти в вотчину моей мамы – кухню. Кушать иногда всё-таки хочется. Удивительно, но мама была там одна. Она стояла у плиты и тихонько напевала себе под нос. На плите стоял кофейник, он бурлил, наполняя кухню приятным и крепким запахом настоящего кофе. Услышав наши шаги, она обернулась:

– А, мальчики. Хорошо, что вы зашли. Я приготовила вам завтрак, можете присесть за столом в углу. А когда поедите, отнесёте моему мужу завтрак тоже. А то он так и не лёг вчера, заперся у себя в кабинете и начал корпеть над какими-то бумагами.

– Конечно, мама. И спасибо, – я на минутку задержался рядом с ней, а Роше отправился к столу. – Ты как? Неужели никто с кухни не вернулся?

– Нет, вернулись. Просто сегодня я решила всем дать выходной. Пусть отдохнут, отдышатся. Новый год всё-таки.

Я обнял её. Она молча уткнулась мне в плечо, помолчала, а потом тихо сказала:

– Давай, иди завтракай. Я сделала твоих любимых праздничных печенек. Они уже остыли, так что можно есть сколько влезет. Главное, оставь отцу хотя бы пару штук!

Последнюю фразу она кинула мне уже в спину. Я вприпрыжку летел к столу. У нас все любят поесть, хоть и блюдут форму, но мамины печеньки под Новый год – это что-то. Тёмное, слегка тягучее тесто, с перцем и запахом хвои. Этот рецепт я так и не смог разгадать, но умять корзину такого

печенья для меня – сушная ерунда и приятное времяпрепровождение. Мама не зря просила оставить немного, а то мне только дай волю...

– Ты бы лучше яичницу сначала съел, охотник на печенье. А уж потом за сладкое, – сказал Роше.

– Ага, – дожевывая пятое печенье, пробубнил я. – А ты в это время съешь моё печенье, пока я буду есть основной завтрак. Этот трюк не пройдёт – я дома, я на больничном, и мне можно есть печенье!

Я был твёрд в своей решительности биться за корзину с райским наслаждением до конца. Но Роше было наплевать на мои печенье, так как ему больше нравились мамины ягодные пироги. Конечно, у каждого свои вкусы, но такое пренебрежение к моему лакомству вызвало легкую обиду.

– Ну на, съешь хоть одну печенючку. А то такой весь из себя правильный и полезный, – противным голосом сказал я.

Отдавать печенючки всё равно было жалко.

Роше молча посмотрел на меня и со вздохом взял одну печенючку. Я тут же успокоился и продолжил свой завтрак. У каждого из нас свои странности, но надеюсь, что это – моя самая большая.

– Отец, как я понял, так и не ложился сегодня?

– Да, Брий. По крайней мере, из кабинета не выходил, слуг не звал и если спал, то только на стуле. Хотя с него станется... Вы так похожи с ним в этом – как что-то припрёт, не остановитесь, пока не получите. Даже во вред своему здо-

ровью...

У мамы на глазах появились маленькие слезинки. Она старалась их сдержать – она не хотела плакать, просто ей было грустно и немного страшно за нас. Я её понимал, но не собирался ради этого отказываться от своей жизни. Так же в своё время поступил и отец. Зато она отказалась. И опять же – ради нас.

Мама продолжила свои кулинарные эксперименты (кофейник при этом кипел уже десять минут), а мы с Роше доели завтрак и, схватив поднос с едой и кувшин с тёплым морсом, пошли в кабинет фон Прейса-старшего. По пути нам встретились работники дома, один из которых обратил на себя внимание и задал вопрос:

– Господин, разреши спросить у тебя. Мы не хотим беспокоить твою матушку, а глава семейства сейчас жутко занят.

– Слушаю, что случилось? – с легким любопытством спросил я.

– Деревенские, да и не только, интересуются – когда вы будете и будете ли вообще проводить обряд Договора? Мы, конечно, понимаем, что случилась беда, но традиции есть традиции. Тем более, молодежь по-другому работать не желает, а рук в доме не хватает.

Я задумался, ведь верно. Официальных работников у нас до сих пор нет – обряд Договора провести мы не успели. А работать люди всё равно хотят, как и кушать, и поддерживать традиции. Значит, нужно назначить новую дату прове-

дения обряда.

– Я переговорю с господином фон Прейсом, уважаемый, – ответил я. – И о назначенной дате станет известно в самое ближайшее время. Ты меня услышал?

– Да, молодой господин. Спасибо за вашу помощь! Пусть беда обойдёт стороной ваш и наш дом!

И они пошли по своим делам, а мы по своим. Посуда на подносе позвякивала, печеньки манили, но Роше зорко приглядывал, чтобы я, не дай бог, не стащил ещё одну. В окна заглядывало солнышко, а нас ждал «увлекательный» диалог с отрезвевшим художником грандиозного таланта. Правда, после того состояния, в котором он был, трудно было поверить, что он вообще сможет держать кисти в руках.

Дверь кабинета была закрыта, и пришлось стучать. Правда, музыкальный перестук мы не успели развить, поскольку она открылась, пропуская нас во чрево комнаты.

Говорят, рабочее место – это отражение характера человека. Тогда попробуем сделать выводы по обстановке в кабинете у господина фон Прейса – и моего отца по совместительству.

Кабинет был большой, но не гигантский – его как раз хватало на массивный стол, несколько стульев, книжные шкафы вдоль стен и на большой буфет. Посреди комнаты стоял ещё один стол – стол заседаний, который служил опорой при общении с егерями, дипломатами, посланниками и прочими деловыми людьми. Дерево мебели было потемневшим

от времени, но ничуть не утратившим надёжность и красоту. Красоты было в меру, всё-таки не женский будуар, а рабочая комната: немного резьбы, со вкусом подобранные шторы и обои, мягкая обивка стульев. Сам фон Прейс любил сидеть в кресле с подлокотниками.

В комнате было большое окно слева от стола, если смотреть от двери. Днём оно давало свет, а ночью – обзор на двор и парк. Сегодня оно было занавешено плотной тканью, поэтому темноту в комнате разгоняли свечи и лампы. Было душновато, пахло бумагой и немного – краской. На столе заседаний были кипы документов, карта ближайших окрестностей, составленная отцом, подсвечник с прогоревшими свечами. Рядом со столом были сложены подставки для картин – явно те, которые принадлежали мастеру художнику. Отсюда и запах краски. Рабочий же стол был практически пуст – только лист бумаги, самопишущая ручка и карандаш.

Фон Прейс сидел, откинувшись в кресле, с закрытыми глазами. Руки были сложены на животе – создавалось впечатление, что он дремал, но это была неправда: он открыл нам дверь, нажав потайную кнопку на столе, а значит, точно не спал.

Мы с Роше молча вошли, подошли к столу и поставили поднос с едой и кувшин с морсом. Отец глубоко вздохнул и приоткрыл один глаз:

– Я так полагаю, сын, что это Роше не дал съесть мои печенья.

Я с возмущением посмотрел на Роше, а потом повернулся к отцу:

– Вы что сегодня, сговорились? Издеваетесь надо мной с самого утра!

– Нет, просто я знаю твою любовь к выпечке матери, – примиряюще ответил отец. – И спасибо, что принесли завтрак – ночь выдалась длинной.

Мы дали ему время поесть, а сами тем временем изучили документы на столе заседаний: тут были отчёты егерей о поисках, о поведении заключённого, конспект доклада Роше о потерях и ущербе, отметки на карте, где был найден художник, и предположительный маршрут его следования от поместья до таверны. Тут же были записи разговоров со свидетелями и даже цены на новых крокодилов. Последний лист был зачирикан и смят – да уж, неизвестно, когда тут все отойдут от такого развлечения.

Фон Прейс управился с завтраком быстро, довольно похлопал себя по животу.

– Теперь с новыми силами можно приниматься за дела. Ну что, орлы, готовы пообщаться с дорогим гостем?

Мы молча кивнули, не поддерживая напускное веселье отца. Тот секунду посмотрел на нас, потом махнул рукой, взял свои бумаги со стола и мы отправились в допросную.

У дверей «рабочего помещения» нас встретил егерь, который доложил, что заключённый пребывает в трезвом состоянии, просит есть (Роше ухмыльнулся), а также спрашива-

ет, а иногда просто вопит, за что его держат в казематах. Поскольку был приказ не бить, охрану пришлось менять каждые полчаса – парни просто не выдерживали его воплей. К нему никто не заходил, еду не давали, воду оставили заранее.

– Молодцы, работаете как надо, – похвалил отец. – Теперь с господином художником будем говорить мы.

Егерь пошёл вперёд, открыл нам дверь, впуская внутрь допросной. Оттуда донёсся вопль радости:

– Лю-у-у-у-у-ди-и-и-и! Меня услышали! – и звон цепей в ритме южных танцев.

– Голосок у него что надо, можно брать на корабль в качестве сирены, – проворчал егерь, закрывая за нами двери. – Господин, будьте осторожны. Всё-таки он может быть опасен.

Дверь закрылась, дважды лязгнул засов по металлическим петлям. Факел на стене – легкий треск и запах прогорающей смолы. Каменные стены – местами кирпич, но в основе своей – гранитные блоки. Толстый матрас – не очень чистый, достаточно большой, но от холода он не спасёт. Кандалы – вмурованы в стену, поблескивают сталью в свете переливающегося огня. И человек – видно, что красивый и благородный, но со следами страха, усталости и недоверия на лице. Он ожидал увидеть кого угодно, но явно не нас.

– Господин фон Прейс? Как же так? Что произошло – почему вы держите меня в кандалах? Я только успел поднять

бокал за ваше здоровье, как меня повязали какие-то бугаи и притащили в это подземелье! Я думал – разбойники, и будут требовать выкуп, но тут явились вы! Что происходит?

Мастер художник тараторил без умолку, повышая тон своей речи. И если в начале его ещё можно было воспринимать, то чем дальше лились нескончаемой рекой его вопросы, тем жёстче его голос пилил наши нервы. Последний вопрос «Что происходит?» был сказан почти визгом и в два раза громче, чем первый.

Но его визг был прерван тряпкой, которая влетела ему в рот – отец не выдержал и швырнул какое-то тряпье ему прямо в лицо.

– Теперь, уважаемый, когда вы немного успокоились, я задам несколько вопросов. А там посмотрим, будет ли резон отвечать на ваши. Вы не против?

Но только художник решил что-то ответить, как его опять заткнули тряпкой.

– Говорить будете, когда я скажу. А пока что киваем головой. Вот так, – и подойдя к заключённому, он своей рукой покивал головой художника.

– Мне кажется, что мои вопросы, а главное – ответы на них, будут несколько важнее, чем ваши. А самое интересное в том, что важнее они будут именно для вас. Думаю, я понятно выразился?

– Я всё равно ниче... – рядом с ухом неудачливого художника вонзился клинок.

– А мне казалось, что ваше лицо говорит о наличие мозгов в этой черепушке. Значит, я ошибся... Старею, – с сарказмом произнёс фон Прейс.

Художник судорожно сглотнул – его глаза расширились и теперь тонули в собственном отражении на металле.

Отец выдержал паузу. Мы с Роше стояли неподвижно, наблюдая за разыгрывающейся сценой. Мы прекрасно понимали, что на наших глазах либо идёт очень сложная игра, либо художник несёт бред. Но было интересно посмотреть, что будет дальше. Судя по всему, пускать кровь ему не собирались.

Пока что.

Художник съехал по стене вниз.

Теперь жалкий затюканный человечек сидел у стены, его одежда уже успела пропитаться типичной тюремной грязью, которая была оставлена здесь нарочно (что иногда приводило в ярость госпожу фон Прейс). Мне в своё время пришлось выпытать у отца, зачем это нужно, на что я получил ответ: «Грязь производит дополнительный подавляющий эффект на пленников». В его тюрьме всё было сделано по науке и направлено на добывание нужных сведений.

И теперь представитель богемной жизни с остатками кружев и помятым с похмелья лицом испуганно смотрел на нас. Его вопросы эхом затихли где-то под потолком. Клинок отца вернулся в ножны.

Осталась только напряженная тишина, не нарушаемая да-

же шорохом крыс. Мир застыл в подобии равновесия, но чётко давая понять, что этот миг не вечен и вскоре он сменится новым движением.

– Ты умеешь рисовать? – вопрос разрезал тишину, как нож – тонкую ткань.

Идиотский вопрос, который вводил в ступор – ведь все мы видели работы этого художника. Так зачем, отец?

– Драко, ты умеешь рисовать? – не меняя тона и своего положения повторил фон Прейс.

Художник наконец ожил, дёрнувшись от повторного вопроса:

– Да, я художник, – тихий, почти шелестящий ответ и взгляд снизу вверх, как у побитой собаки – вроде и причинили боль, но в глубине глаз – затаённая надежда.

– Ты хорошо рисуешь? – следующий вопрос, как следующая капля пота и крови на лице Сизифа.

– Да, я считаюсь одним из лучших среди живущих.

– Есть кто-то лучше тебя? – в голосе отца появилось легкое любопытство.

– Да, пока что есть.

Ко мне пододвинулся Роше и на ухо шепнул:

– Он что, решил провести тестирование на нового гида по картинной галерее? Какой это имеет смысл?

Я ответил так же шепотом:

– Может, он даёт ему расслабиться, чтобы проговорился?

А тем временем допрос продолжался:

– Как долго ты держишь кисть в руках?

– Тринадцать с половиной лет. А ещё держал в руках карандаш, пастель и уголь.

Отец сделал паузу, а потом кликнул охрану – в комнату внесли мольберты, накрытые покрывалами.

– Свои работы сможешь узнать?

– Конечно.

– Тогда тебе стоит привстать.

Заключённого подняли с земли по стене. Тот обессиленно облокотился на холодные кирпичи и взглядом показал – «Я готов смотреть». Отец кивнул егерю и тот снял покрывало с первой картины.

– Окрестности Столицы в солнечный день, – буднично сказал Драко. – Написана два года назад, продана спустя три месяца. Покупатель остался неизвестным, цена была приличной – я гулял неделю, и у меня остались после этого деньги.

Мы с Роше переглянулись – ни фиги себе! Такие деньги за картину! За клочок холста и капли краски, которые в сумме давали картинку, пусть и потрясающую.

Второй кивок, падает полотно со второй картины – как я и думал, далее следовал лугат.

– Нападение крокодила Лугата на его преосвященство, – опять тихий будничный голос. – Картина написана с реальных впечатлений – кто-то неудачно пошутил, добавив крокодилу в корм слабительного. Тот, настрадавшись, пошёл

мстить. Прыжок тогда был великолепен, выражение его морды даже алкоголь не мог из головы прогнать, – голос как у уставшего экскурсовода. – Работа заняла почётное место в галерее бургомистра Травиана, пока не сгорела. Считалась потерянной до сегодняшнего дня.

Это уже стало интересно – пожар в Травиане год назад наделал шуму, погибло несколько человек, сгорело несколько кварталов. Поговаривали о поджоге с целью грабежа, но после того, как нашли всю казну на месте, решили, что к пожару привела халатность поваров и их подмастерьев. Но если картина была здесь, а не в куче золы, значит, всё-таки кто-то догадывался, что пожар будет и, может, даже помог этому случиться.

Мы постояли, глядя на художника, а тот с задумчивым лицом смотрел на пасть крокодила. Это длилось с минуту, но потом, тряхнув грязной головой, Драко попросил:

– Ну, давайте дальше, посмотрим третью картину. Может, ещё какой шедевр откопали.

Отец несколько нервно кивнул. Полотно упало и оказалась моя комната, только уже без бумаг, которые хранились в моей комнате.

И вот тут что-то изменилось. Глаза подозреваемого выпучились, и по телу прошла крупная дрожь.

– Этого не может быть...

– Чего не может быть? – заговорил отец. – Чего не может быть, говори!

– Я её ещё не рисовал! Я только видел! – срываясь на крик, ответил художник. – Я только начал её продумывать... Как это? Сначала из пепла восстают картины, потом появляются те, которые ещё не нарисованы. Что это такое?!

И он с мольбой уставился на нас.

– Почему вы держите меня в казематах? Что я сделал? Мне так никто ничего и не сказал.

Отец молчал. И я понял, что пора нарушить свою тишину.

– Вы здесь, потому что подозреваетесь в убийстве.

Тот вытаращил глаза и уронил челюсть. Потом у него подкосились ноги, и он снова съехал по стене на пол. Он не мог сказать ни слова. Он был в шоке, его трясло, лихорадило от услышанного. Он находился на грани безумия и панической атаки. Он не был расчётливым убийцей или был слишком талантливым актёром. Конечно, после его картин можно поверить во что угодно, но нельзя же вмещать в себе столько талантов...

Видя, как его трясёт, отец велел нам выйти, а сам остался. Мы сели за дверь, прислонившись спинами к камню стен.

– То ли он ещё и актёр, то ли у него слишком нежная психика, – задумчиво произнёс Роше.

– Я слышал о таком – творческие натуры иногда бывают слишком впечатлительными, – в тон ему ответил я. – Но его фраза «я только видел» мне показалась интересной.

– Тебе вообще та картина очень интересна, – не скрывая ухмылки, ответил орк. – Но тут художника пропёрло – при-

думать реальную комнату и передать её с такой выразительностью...

– Но он утверждает, что это не он... Чёрт, не знаю, что думать. Надеюсь, отец что-нибудь узнает и скажет.

Мы замолчали, ожидая новых известий. В казематах было тихо. Иногда был слышен шорох, иногда – шаги охраны. Я считал секунды на вдохе, стараясь задержать дыхание на как можно более долгий период. Роше залез в свой мешок и перетирал в ступке какие-то травы – допрос допросом, а его лекарств ждут люди. Звякнуло стекло – орк начал смешивать снадобье прямо в пробирке: щепоть одной травы, листик другой, залить желтой жидкостью, пробормотать пару слов. Закрыть и потрясти. Послушать шипение, приняться.

– Теперь только пчелку сюда – и можно назначать приём, – орк устало улыбнулся.

Настоящий врачеватель – с чувством юмора даже на операции у огра в желудочно-кишечном тракте.

Прошел где-то час, прежде чем отец вышел из камеры художника. В руках он держал прямоугольник, который оказался картиной. Свежей: было видно, как фон Прейс старается не касаться необсохшей краски.

– Он действительно замечательно рисует, – и показал нам зарисовку.

На ней был угол тюремной камеры, сено на полу, тени. Всё это пугало и напрягало – картина явно передавала эмоции

автора, и судя по произведению, Драко было очень неудобно в камере. В то же время, она оставляла ощущение некой недоделанности.

– Я дал ему тридцать минут, он сделал за пятнадцать, а потом сказал, что дорисовать всё равно не успеет – и вернул её в таком виде.

– Надо будет заказать ему портрет – может, хоть кто-то разберётся с оттенками зеленого на моём лице, – серьёзно заметил Роше. – А то последняя попытка оказалась просто... ну, те карикатуры, которые мы видели в Столице, были просто шедевром. А заплатили мы некоторую сумму...

Орк покачал головой. В плане своей внешности он был крайне занудлив и придирчив. Что не мешало, как я уже упоминал, быть в прекрасной форме.

– Что ещё ты узнал? – меня интересовала суть вопроса.

– То, что его здесь не было, – мы удивленно посмотрели на главу моего семейства. – По его словам, последнее, что он помнит – таверна, шум, выпивка и то, что завтра нужно успеть опохмелиться перед выступлением.

– По нему не скажешь, что он был пьян на сцене: держался прямо, финты шляпой делал, одеяло скидывал, а картины оставлял на месте, – я начал перечислять очевидные факты. – К тому же так исчезнуть в нетрезвом виде. Как по мановению волшебства... Маловероятно.

– Я так тоже считаю. Поэтому возникло две версии: первая – это был другой человек...

– С таким же талантом художника, так ещё и читающий чужие мысли, – буркнул орк.

– ...так и вторая версия, – сурово посмотрел на орка фон Прейс. – Она заключается в том, что в него вселился чуждый дух.

– Вот те на, что за фигня? С каких это пор в человека вселяются духи? – я возмутился.

– Мда, сынок, заиклился ты на зверушках. И такое бывает, хоть и не часто. Но тут я поделаться ничего не могу. Поэтому я вызову помощь – экзорциста.

Орк аж дёрнулся.

– Вы уверены в своём решении?

– Я уже его принял и отдам приказ.

– Тогда разрешите мне сначала его осмотреть, перед тем, как за тело примется экзорцист...

Последнее слово орк выплюнул как распоследнее ругательство.

– Конечно. В благодарность за антипохмельное средство, – и, развернувшись на каблуках, отец пошел прочь из казематов.

Нам не оставалось ничего, как снова войти в камеру.

Художник Драко сидел на полу с закрытыми глазами. Казалось, он спит. Он выглядел уставшим, измотанным. Молодое, в общем-то, лицо покрывала сеточка мелких морщин. Обычно такие не видно – только в моменты стресса и усталости. Ещё иногда говорят – мол, был молод и здоров, и вдруг,

бац, – и постарел. Но эта «старость» кроется в нас гораздо раньше, затапливаемая, замылеваемая, скрываемая. О ней знаем мы сами, хоть и не верим ей.

Под глазами были мешки – пьянство и лекарство Роше дали плоды – синего цвета и отчётливо объёмные. Веки пали ниц под давлением усталости и обречённости. Да уж, тут поле не для допросов, а для лекарей. Благо, что один тут высится сбоку, готовый предоставить свои услуги. Может, даже оплатить их удастся...

– Господин Драко, – Роше позвал художника.

Тот вяло приподнял голову, не открывая глаз.

– Я лекарь, позвольте взглянуть на вас ближе. Мне кажется, вам нужна помощь.

Драко разлепил глаза и внимательно посмотрел на орка. Взгляд оценивающе проскользнул по нему снизу вверх, а затем сверху вниз. Глаза снова закрылись.

– Пожалуй, ваши услуги будут не лишними...

Орк приблизился, встал на колени, одновременно скидывая заплечный мешок. Из него достал пузырёк с нашатырём и первым делом привёл «пациента» в чувство:

– Так мы быстрее проведём процедуру, – с милой зубастой улыбкой ответил Роше на говорящий вылупленный взгляд бледного художника.

Подхватив подлетевшего больного, Роше попросил меня снять с него рубаху.

– Нужно осмотреть ваше тело на наличие ран, дабы избе-

жать заражения крови и прочих болезней.

– Мне кажется или я что-то подобное уже слышал? – спросил я, стягивая с художника рубашку.

– Всё возможно, мой друг, – вежливо ответил Роше.

Мы разделали художника по всем правилам охоты – «шкура» отдельно, «потроха» отдельно. Отодвинув его от холодной стены, лекарь начал осмотр. Мелкие ранки и ссадины он смазывал какой-то своей мазью, но казалось, что он ищет что-то совершенно другое. И в какой-то момент он нашел.

Поманив меня пальцем за спиной художника, он сделал вид, что продолжает осмотр, и указал на точку под лопаткой. Там была странной формы метка-пятно-шрам, будто был огромный прыщ, который лопнул и частично зажил. Если считать, что его кожа в остальных местах была чиста, этот «прыщ» смотрелся инородным телом.

Осмотр продлился несколько минут, в ходе которого обнаружили ещё пару ссадин, опухшую печень и общую усталость.

– Уважаемый, вам нужно вести активный стиль жизни, но перенести эту активность из кабаков на природу, – поучал пациента Роше. – При этом я не имею ввиду, что нужно пить под деревом в лесу. Скорее, я имею ввиду прогулки, выезды на лошадях, игры. Вашей печени нужен отдых, а зная нравы городов – покой ей только снится.

Художник Драко молча внимал. Он всё ещё не мог до кон-

да осознать, что произошло, и старался не сморозить очередную глупость. Поэтому сейчас он походил на обычную рыбу, которую вытащили из воды – вроде и сказать что-то хочет, но вот со звукоизвлечением проблемы. Но что с ним поделаешь, каждый реагирует как ему удобней.

Когда мы вышли за дверь, я молчаливо спросил Роше «Что за нафиг?» На что он ответил вполне вслух:

– Он был одержим.

– Был или всё ещё?

– Метку видел? Значит, дух вышел, оставил его оболочку. Тогда всё встаёт на места – картину он и рисовал, но вот достать её из снов или иным способом помог дух. Только вот что за дух, откуда он взялся и куда делся?

Вопросы, на которые нужен был ответ, появились. Ответы пока не спешили. Но был вопрос, который требовал ответа достаточно быстро:

– Пойдём, передадим фон Прейсу старшему, что работники поместья ждут контракт. А то действительно, останемся без обеда.

– Ага, как же. Госпожа фон Прейс и в одиночку справится.

– Тоже верно, но объёмы будут не те, и мама впадёт в депрессию.

– Тогда ты прав – мы должны её спасти и обеспечить помощниками.

И мы с Роше отправились к отцу, сообщить о просьбе трудящихся. Мысли о еде помогали не заикливаться на образе

измученного художника в каземате за спиной.

Знал бы, что эта середина дня – лишь самое начало моих дел и забот...

Работа по дому и расплата

Первым делом, покинув башню и допросную, мы отправились к отцу. Старший егерь сообщил, что фон Прейс работает в своём кабинете. Мы кивнули и направили свои стопы обратно к дому – вход в казематы был только с улицы и не имел прямой связи с остальными этажами башни и домом.

Очутившись в тепле и стряхнув снег с сапог, мы с Роше дошли до кабинета. Как только мы оказались перед массивной дверью, она отворилась, и оттуда к нам навстречу вышел мастер Клив. Наконец я оценил, насколько он широк в плечах – даже отец на его фоне смотрелся мальчишкой. Оружейник был задумчив, и на его лбу залегла глубокая морщина. Однако увидев нас, он расслабился и на губах забрезжила лёгкая улыбка:

– Рад вас видеть, мастер Брий и мастер Роше. Господин фон Прейс как раз просил при встрече попросить вас зайти к нему, – кузнец оглянулся через плечо, после чего посторонился, с легким полупоклоном пропуская нас в штаб моего отца.

Тот снова сидел за своим столом, водя самопишущим пером по бумаге. Ровные линии заметок ложились на лист стройными боевыми порядками. Роше закрыл за нами дверь. Плотно щёлкнул замок, отсекая нас от внешнего мира.

Отец продолжал писать, а мы молча ждали. У каждого свои правила, и лучше их не нарушать.

Дописав лист, отец поднял голову и внимательно посмотрел на меня и моего друга. Его глаза изучали нас холодно и отстранённо, будто взвешивая настоящее перед вызовами будущего. Не знаю, к какому выводу он в итоге пришёл, но наконец нарушил тишину:

– Вы пришли быстрее, чем я думал, – а потом прямо спросил у Роше. – Метку нашёл?

– Да, на спине под лопаткой, – глухо ответил орк.

Отец кивнул.

– В остальном он обычный пропитый баловень судьбы, хоть и с талантом.

– Я бы поспорил, Роше, – фон Прейс покачал головой. – Давно такого не было. Чтобы вселиться в человека, дух должен быть высокоразвитым, умным. Единицы дозревают до такого состояния. Необычно...

Фон Прейс потёр щетину на щеке, а я снова задал себе вопрос: а не слишком ли много необычностей в пределах одного поместья? Но вслух я задал совершенно другой вопрос:

– Ты звал нас для чего-то ещё?

– Меня в первую очередь интересовала метка. Ещё я хотел узнать, как чувствуют себя мои люди и что с помощью раненым? – снова вопрос был адресован Роше. – Мой домашний врач неожиданно оказался вне рабочей формы.

– Простите мою бестактность, но врача вам давно пора

заменить.

– Позволь мне самому решать, кому оставаться, а кому – нет. По крайней мере, в моём доме. Хорошо?

Роше кивнул и сказал:

– Простите ещё раз. Сегодня вечером закончу работу – все ингредиенты для лекарства тяжелораненым у меня на руках. Возможно, некоторым потребуется время на восстановление.

– Назначай им отпуск на своё усмотрение – пусть будут живыми и здоровыми как можно дольше. Замена найдётся.

– Кстати, насчёт работников, – возникла возможность передать просьбу насчёт Договора. – Старожилы переживают, что молодежь не будет работать без Договора.

– И будет права, – отец откинулся на кресле и сложил руки на животе. – Провести ритуал...

Он задумчиво закрыл глаза, подсчитывая необходимые время и ресурсы для организации самого ритуала, как всегда подбивая в голове цифры. После чего сверкнул глазами и сообщил:

– Можете передать, что договор будет заключён третьего дня, то есть послезавтра. Место будет оглашено завтра. И это явно будет не площадь у моего дома.

Отпустив нас движением руки и открыв двери, отец погрузился в свои дела хозяина. Мы же с Роше собирались перекусить и отправиться лечить пострадавших.

Однако, не успели мы сделать и пары шагов от двери, как

перед нами снова выросла гора по имени мастер Клив. Массивный мужчина с гладковыбритым (или выжженным?) лицом, пророкотал:

– Мастер Брий, мне нужна ваша помощь.

– Я к вашим услугам, мастер, – вежливо ответил я, однако у Роше в животе громко забулькало, поэтому я еле сдержал улыбку.

Оружейник, который тоже слышал эти звуки, остался се-
рьёзен:

– Мастер, я собираюсь создать для вас клинок, который идеально будет вам служить, – в его голосе звучала торжественная музыка. – Но для этого вы должны помочь мне в его ковке.

Мы с Роше переглянулись. В глазах орка я видел его желание покрутить пальцем у виска.

– Мастер Клив, насколько я знаю, чтобы создать меч, вам нужны мои мерки и не более того, – я старался отвечать вежливо и аккуратно. – Тем более, в ковке я полный профан...

– Не поймите меня неправильно, но как мастер мастеру скажу – в каждом ремесле есть свои нюансы и секреты. Мне непонятно, как можно сразить Лугата одним ударом меча. Но я точно знаю, как сделать тот меч, что будет не просто продолжением руки воина, но продолжением его души.

В его голосе звенела сила кузнечного горна, которая превращает даже сталь в текущую воду. На секунду мне показалось, что в его глазах запылала уголь. Мне стало не по себе,

но Роше положил мне руку на плечо. Повернувшись к нему, я увидел бездну в его глазах, и тихий голос сказал:

– Он действительно хочет помочь, – после чего бездна растворилась, оставив раздражённый взгляд.

– Я же тебе говорю – не к добру всё это.

Теперь Клив смотрел на нас с удивлением, будто застал за выполнением магического фокуса. Магического, да не фокуса... Мы не стали ему ничего объяснять, поэтому вздохнув, я лишь спросил:

– Когда стоит начать?

– Процесс длит... в общем, вам не интересны подробности. Можем начать завтра, подойдёт? – теперь в его голосе проскользнули заискивающие нотки.

Слышать это от человека больше и старше было несколько странно.

– Хорошо, пусть завтра.

Я почувствовал, как меня покидают силы. Водоворот событий и впечатлений оказался несколько сильнее, нежели был готов выносить мой организм.

– Тогда жду вас на закате у кузни, – Клив поклонился. – Темнота – самое время для магии огня.

После чего повернулся и бодрым шагом отправился по своим делам. Я же прислонился к стенке – отдышаться. А Роше в своей непередаваемой манере сообщил:

– Если он нам сегодня попадётся на глаза ещё раз, то я скажу, что у тебя появился новый поклонник.

Я бросил на него хмурый взгляд.

– Расслабься. По крайней мере, он симпатичней, чем сэр Дром, не говоря про Фантика, который души в тебе не чаёт.

Я пожалел, что с собой нет меча...

Пообедав и сообщив служащим о решении отца, мы отправились в крыло, в котором нас ждали оставшиеся тяжело раненные.

– Пора выполнить свою работу, – тихо сказал Роше, склоняясь над столом.

На столешнице ровными рядами и кучками мы заранее разложили снадобья, травы, свежие бинты, мази и прочую лечебную экипировку. Тут же лежала пробирка с лекарством из яда ос.

– Начнем с самого сложного, – почти как на лекции объявил орк. – Будешь подавать бинты и придерживать больных. А то от безделья заснёшь.

Юморист, чтоб его. В моих руках оказалась горсть бинтов, а орк уже шагал к первому пациенту. Молодому парню прокусили ногу, и рана начала гноиться. Видок отвратный, и парень не орал только из-за того, что орк вкачал в него какое-то своё снадобье. Когда твое тело гниет, это неприятно, так скажем.

Парень, закусив губу, смотрел, как мы подходим. Доверия к нам, как к лекарям, он явно не испытывал.

– Задираем штанину еще выше, аккуратно снимаем повязку.

Парень занервничал.

– Не дергайся, хуже будет. Так, теперь теплую воду поближе, тряпку... Да, так. Рану надо промыть, чтобы убрать новый гной.

Парень начал сипеть, когда тряпка коснулась внутренних стей раны. Я его придерживал.

– А теперь самая... Горячая часть...

Роше промокнул палец в лекарстве из ос и начал втирать его прямо в рану.

Оттуда раздалось явственное шипение и молодой пациент задёргался и застонал.

– Держим, держим. Сейчас рана должна хорошо прочиститься и выгнать всю дрянь наружу.

Так и происходило – на поверхности показалась грязная пена, которую орк аккуратно убирал, не касаясь самого лекарства. Мутная темная пена, в которой попадались куски плотней, с противным запахом гниения.

– Да уж, аромат что надо, – высказался я.

– Долго шли – процесс зашёл не в те края. Лекарство сейчас работает на полную катушку. Придави-ка посильнее, а то начнёт трогать или чесать. Закончится пена – сможем нанести простую мазь и забинтовать.

Где-то через минуту пена перестала идти, Роше аккуратно вокруг ранки натёр своей обычной мазью, а я забинтовал. Парень слегка дрожал, тело покрылось крупными каплями пота.

– Даю тебе недельный выходной – рана должна сама зажить. Теперь все будет как надо.

Я глянул на орка – тот рассматривал результат работы и был доволен:

– Пошли к следующему.

По пути лежал парень, которому Лугат прокусил руку и содрал кожу с грудной клетки. Даже находясь под действием обезболивающего, он тяжело дышал.

Я глазами спросил, почему первым не его.

– Он хоть выглядит хуже, но его рана не страшна. Правда, дергаться и кричать ему это не запрещает. Сначала глянем вон ту мумию.

– Надо было заставить служителей чистить крокодилам зубы.

– Угу, теперь и рыбок будем обеззараживать, и лошадям копыта подпиливать...

– Да, да, понял, отстань зануда.

– Занудой я буду, когда заставлю пересчитывать, сколько бинтов и травинок я потратил.

Орк присел около спящей женщины, которая была замотана в простыню, как будущая бабочка – в кокон. Или как жертва запасливого паука.

Звякнули пробирки, Роше достал кинжал и начал аккуратно разрезать ткань кокона. Как только открылась человеческая плоть, в нос ударил не сильный, но мерзкий запах. Я поборол приступ тошноты и присел рядом.

– Здесь бинтов будет мало, – тихо сказал Роше. – У неё была врождённая болезнь, которая спала до контакта с зубами крокодила. А теперь она быстрее, чем заражение убивает её тело.

На мирном лице спящей женщины не отражалась та боль, что чувствовали её органы. В этом её спасение. Сложное лекарство, частью которого были те самые спящие пчёлы, могло помочь. Но именно в этом случае результат был непредсказуем: лекарство не прошло весь процесс подготовки, а болезнь оказалась усилена укусами рептилий.

Но нам ничего не оставалось, кроме как попробовать.

Исхудавшее тело мы частично извлекли из кокона, после чего старательно обмазали осиным лекарством. Сверху, вокруг ран, добавили длинные зелёные листья.

В первые несколько секунд ничего не происходило. Обычно это означало, что лекарство не действует. Однако Роше положил руку женщине на лоб, закрыл свои глаза и что-то напевно прошептал. Прошло ещё с десяток томительных секунд, и тут началось.

Казалось, что тело женщины расплзается прямо на глазах, разваливается на куски от всего того, что ему пришлось пережить. Но Роше, ловко воспользовавшись краями ткани кокона как тряпкой, начал обтирать женщину. И оказалось, что из всех пор, из всех ран и отверстий выходит густая, похожая на гной субстанция. На фоне этой болотной мерзости спокойное выражение лица пациентки казалось издеватель-

ством удачливого трупа.

Извержение продолжалось минут пять, в течение которых от некогда пухлой женщины остались лишь кожа да кости. Осунувшееся лицо было бледным, но без желтизны, что при-
суща свежим трупам.

Я посмотрел на Роше, и мне на секунду показалось, что он терял вес вместе со своей пациенткой. Его лицо выглядело безумно уставшим, а руки, измазанные в чужих болезнях и страданиях, мелко подрагивали. Его запавшие глаза смотрели на спящую с некоторой нежностью. Орк почувствовал мой взгляд, медленно повернул голову ко мне и тихо сказал:

– Последнего придётся обработать тебе, – орк поднял руки, на которых студенисто дрожали тёмные капли. – И я очень надеюсь, что ты его не убьёшь...

Я возмущенно встал, взял банку с остатками зелья, перехватил поудобнее бинты и вернулся к человеку с раненой рукой и грудью. В спину мне донеслись флегматичные слова:

– А то эффект от чудесного исцеления испортишь дилетантской ошибкой.

Даже в полумёртвом состоянии он продолжает надо мной издеваться! Но несмотря на издевки, оказавшись у раненого, я стал сосредоточенным.

Я осматриваю раны и кладу свою руку на плечо парню, чтобы успокоить, но так аккуратно, чтобы лишний раз не беспокоить больные места. Убедившись, что парень немного затих, я снимаю старые повязки с груди. Просто раз-

резаю их ножом. Рана сырая до сих пор, бинт не прирос. Открывшиеся дыры, в которых видно пару рёбер, я мягко смазываю осиною мазью. Тёмная пена вытягивает грязь и заражение. Убираю мокрыми тряпками. Спустя пару минут накладываю свежие бинты на грудь и перехожу к руке.

Понимаю свою ошибку: нужно было вычищать сразу обе раны – двойное испытание болью, даже очищающей – не самое приятное времяпрепровождение. Но теперь нужно просто довести дело до конца.

Парень стонет, ему плохо, пожелтели белки глаз – печени досталось. Но лекарство поможет.

К моменту, когда из руки перестаёт идти тёмная пена, подходит (или скорее подползает) Роше. Из сумки появляются два пузырька. В одном – жёлтый эликсир, который он капает в рот парню, а во втором – синий, который он капает в рот себе. Пациент затихает и мягко начинает сопеть, а Роше внешне не меняется.

Орк помог мне встать, после чего мы возвратились к столу, убрали травки и остатки бинтов. Пациенты за нашими спинами мирно дышали и не понимали, как им повезло, что именно этот лекарь оказался рядом с ними. В противном случае их ждала бы – при лучшем раскладе – болезненная смерть, а при неудачном наборе карт – долгая и болезненная, зависящая от доброты и понимания окружающих, жизнь.

Хотелось выпить вина, как в далёкие годы учёбы. Но за это придётся расплачиваться ещё большим периодом

восстановления. Поэтому мы просто завалились в свои комнаты, предварительно смыв с себя чужую грязь.

Правда, через двадцать пять минут мы вернулись в коридор и, переглянувшись, пошли вымаливать прощения и поддержки у главного кормящего бога нашего поместья – моей мамы.

Что можно сказать: наказание за пропущенный ужин (даже по причине важных дел) было суровым. Нас лишили годового печенья и фруктового пирога.

Только отец, который тоже отбывал наказание за пропущенный приём пищи, ухмыляясь, сказал:

– Ну ведь что-то же должно быть как всегда?

Пляска огня и металла

Дома стояла тишина. Всё замерло в трепетном ожидании: отец ждал экзорциста, чтобы разобраться с художником Драко; Роше ждал изменений у своих пациентов; я ждал, когда будет возможность выяснить подробности насчёт отцовского артефакта, и вечерней встречи с оружейником; служащие ожидали завтрашнего дня, чтобы заключить договор; а мама ждала, когда её семья (то есть, мы с отцом плюс Роше) придёт вовремя на завтрак.

Сегодня накладок не было, как и дел, которые могли серьёзно помешать. А значит, точно в назначенный час мы все сидели в столовой, ожидая плотного завтрака. Дабы оправдать своё скверное поведение, пришлось съесть в два раза больше, чем обычно. В меня влезло аж четыре яйца, и я ожидал, когда же начну кудахтать. Чтобы не допустить посторонних звуков, я продолжал маленькими ложечками поглощать овсяную кашу, делая вид, будто это центр моей вселенной.

Роше, зная правила, съел три тарелки каши (незаметно слив одну из них в какую-то из баночек в своей сумке), а теперь задумчиво жевал лист салата.

Только отец не играл в игры, а спокойно и в меру позавтракал, попросив напоследок у жены крепкого кофе. Убедившись, что она ушла и не слышит, он повернулся к нам:

– Ритуал Договора проводим завтра в двенадцать, как

обычно. На главной площади деревни, – и оглянувшись ещё раз, добавил. – Если твой оружейник закончит с мечом, сможем завтра же заняться артефактом.

Он отвернулся как раз в тот момент, когда в дверях появилась мама, не давая нам ответить. Поэтому нам с Роше не оставалось ничего другого, кроме как флегматично жевать свой завтрак, наподобие того дракона, пережёвывающего неудачливого рыцаря.

Перед отцом оказалась высокая кружка с кофе, а перед нами – маленькие тарелочки: на моей лежало два новогодних печенья, а на тарелке Роше – скромный кусочек пирога.

Я чуть не прослезился.

После завтрака отец отправился готовить всё необходимое к процедуре Договора. Мама сказала, что ей нужно изучить те чайники, что предлагал фарфоровых дел мастер. А мы с моим вечнозелёным другом отправились на прогулку, поскольку тренироваться после такого завтрака просто невозможно.

Улица встретила нас морозным воздухом, легким снежком, абсолютным безветрием и приветствием патрулирующих территорию егерей. Мы оделись потеплее, но это не помешало мне привесить на пояс своего верного бастарда, а орку – широкий кинжал, больше похожий на короткий меч. Задумчивый Роше смотрел куда-то вдаль, в сторону гор, и сейчас очень походил на своего отца. Несмотря на то, что они были очень близки, высокая должность и частые разъезды

(как наши, так и отца-посла) мешали постоянным встречам.

Под ногами поскрипывал снежок, превращая прогулку в музыкальное представление. Я улыбнулся. В жизни слишком много приятных моментов, чтобы их упускать.

Но улыбка быстро сошла с моих губ: я вспомнил про упущенного дракона и сжал зубы. Остальные воспоминания оптимизма не добавили.

Теперь скрипел не только снег, но и зубы.

Однако зимний день не отличается длиной. Прогулка, тренировка и обед – и вот уже на дворе сгущаются сумерки. В доме зажгли свечи и масляные фонари, а на улице – факелы и уличные модификации тех же масляных фонарей у входа в дом. Новомодные фонари алхимиков до нас пока не дошли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.